

СЛОВЕСНОСТЬ.

ОБЪ ИСТОРИИ ПОЭЗИИ.

(Окончаніе.)

И такъ сравненіе много содѣйствуетъ къ познанію поэпическихъ памятниковъ; но кромѣ эпой связи, они имѣютъ еще другую тѣснѣйшую и болѣе существенную: связь родства. Они сходствуютъ не только характеромъ, обстоятельствомъ, ихъ породившими, но въ своемъ происхожденіи еще сочетаются неразрывною цѣпью, развивающеюся съ теченіемъ вѣковъ, ибо то, что составляетъ жизнь Поэзіи, подобно всемъ живымъ существамъ, дѣйствуетъ и производитъ. Твореніе никогда не чуждо другимъ; оно всегда въ связи съ предшествовавшими и послѣдующими ему твореніями. — Поэтому, для полного уразумѣнія Истории Поэзіи, должно изучать эпоху рядъ причинъ и слѣдствій, который непрерывно продолжается въ твореніяхъ; должно въ извѣстномъ произведеніи разбирать и отдавать себѣ отчетъ въ эпихъ многоразличныхъ вліяніяхъ, которыя могли смѣшиваться и сливаться, входя въ его образованіе. Даже у самыхъ преобразовательнейшихъ искусствъ всегда сохраняются слѣды генія предшествовавшего или современнаго. При разборѣ Корнелія должно отдавать вліяніе Испаніи, Сенеки и рыцарскихъ романовъ; въ Алфіери — вліяніе Дан-

та ; въ Шиллеръ и Гете — духъ Шекспира, и въ самомъ Шекспирѣ, слѣды стариннаго пѣснра Англійскаго и всей Поэзіи среднихъ вѣковъ, его приугошовившей. —

Совершенная, безусловная оригинальность невозможна ; самое слово то означаетъ. Одна только первоначальная Поэзія, давшая происхожденіе послѣдующей, могла быть вполне оригинальною ; но она намъ неизвѣстна. Мы не знаемъ пѣвца, до котораго не было бы другаго поэта ; пѣсней, которыми бы не предшествовали другія. Поэтъ только тогда можетъ быть безусловно самоспоятельнымъ, когда онъ не знаетъ другаго поэта ; но въ семъ случаѣ сомнительно, могъ ли бы онъ писать стихи. И такъ истинная оригинальность состоятъ не въ томъ, чтобы быть безъ отношенія къ предшествовавшему, что невозможно, но въ искусствѣ облакать въ новыя формы поэтическую матерію, заготовленную временемъ.

Слѣдовательно, Исторія Поэзіи, чтобы быть философическою, должна располагать поэтовъ и ихъ творенія не въ одномъ только порядкѣ времени ; она будетъ размѣщать въ группы ихъ изъ нихъ, которые порождены однимъ поэтическимъ движеніемъ, и передавали его другъ другу ; она должна переноситься изъ страны въ страну, изъ вѣка въ вѣкъ, слѣдовать за этимъ движеніемъ, и наблюдать его различныя слѣдствія. Здѣсь, какъ и въ ботаникѣ и зоологій, между разбираемыми предметами должно постановить, не произвольные отдѣлы, но роды и семейства природныя ; или вѣрнѣе : въ постепенномъ накопленіи поэтическихъ произведеній должно различать роды образованія,

подобные тѣмъ, копорые геологія полагаетъ въ слояхъ почвы, постепенно образовавшихъ земную кору. Такъ въ среднихъ вѣкахъ существоеть цѣлый опдѣлъ Поэзіи, копорый объемлетъ почти всю Европу, и обширными своими вѣтвями простираетъ по Франціи, Англіи, Германіи и Италіи.

Вся эта Поэзія принадлежитъ къ одному семейству, одному образованію. Среди этого разнообразія развицій и видоизмѣненій должно распознавать единство духа и происхожденія. Каждая изъ подобныхъ эпохъ поэтической Исторіи соотношествуетъ великой эпохѣ образованности; такъ вышеприведенная современная эпоха рыцарства. Подобно, какъ геологическіе возрасты міра раздѣляются между собою огромными капастрофами, ужасными капаклизмами, такъ и періоды цивилизаціи и Поэзіи разлучаются переворотами общественными, военными, революціями, попому что жизнь искусствъ, какъ жизнь общественная, какъ жизнь природы, не всегда шествуетъ тихимъ и ровнымъ шагомъ.

Всюду находимъ мы попеременно: сначала нечувствительный прудъ, заготовляющій новый порядокъ вещей, и послѣ, внезапное его проявленіе. Если мы оставимъ безъ вниманія эти взрывы, которые вдругъ обнаруживаютъ то, что такъ долго созрѣвало въ тиши, мы не будемъ въ состояніи начертать истинную исторію поэтического генія, какъ и исторію другихъ способностей человѣческихъ, какъ и исторію развитія организаціи и силъ природы. Попеременно медленный приуготовительный прудъ и внезапное изверженіе:

паковъ законъ Поэзіи и волкановъ, челоуѣка и природы.

Вы видите, Мм. Гг., что Исторія Поэзіи, разсмаириваемая съ этой почки зрѣнія, имѣеть нѣкошорый объемъ и величіе. Говоря о ней, мы возвысились до самыхъ общихъ взглядовъ на природу и ходъ вещей; мы озарили часпный предметъ нашихъ изслѣдованій свѣтомъ, изливаемымъ на него всѣми великими предметами челоуѣческаго мышленія. Намъ оспаеися разсмоиришь его съ новой стороны. Мы говорили о Поэзіи, и ни слова не сказали о поэтахъ. До сихъ поръ я разсмаиривалъ поэшическіе памяшники въ опношеніи къ ихъ общешвеннымъ условіямъ, какъ будшо бы условіа сін непосредшвенно ихъ порождали, какъ будшо бы во взаимныхъ своихъ сношеніяхъ они дѣйшвишельно происпекали другъ опъ друга. Однако жъ не шакъ случается на дѣлѣ. Хошя они бываюшъ резумышатами общихъ причинъ, но они сушь шворенія недѣлимыхъ. Необходимо начинашь изученіемъ причинъ, но въ шо же время не должно оспавляшь безъ вниманія и недѣлимыхъ, пошому что послѣдніе, выражая въ своихъ швореніяхъ духъ націи и времени, вмѣсшъ выражаюшъ и собшвенную свою природу. Опъ шого познаніе Поэзіи не будетъ полнымъ, когда мы не изучимъ генія индивидуального, шакъ же какъ и генія національного. Великіе поэшы не сушь механическіа орудія, не простые опголоски своего вѣка: облеченные двойною власшью, они вмѣсшъ его предшсавишели и вожди. Они не влекушя по слѣдамъ, но идушъ въ головъ своего вѣка, опдѣляюшя,

чтобы опередить его; прошиворъчаютъ, превозносятъ его, чтобы научить и въ этой борьбѣ постоянно ему служить. Меньшая половина вѣка также имѣетъ своихъ поэтическихъ предсавителей, своихъ оппозиціонныхъ орааторовъ, которые, вдохновляясь современными спрасями, возстаютъ противъ нихъ. И такъ повпоряю, мы еще не вполне знаемъ Поэзію, когда знаемъ одни общія обстоятельствова, содѣйствовавшія ея развитію. Мы должны коротко познакомиться съ тѣми людьми, которые обнаружили въ себѣ это развитіе. Они одни только могутъ уяснить и оживить для насъ темную и неопредѣленную мысль, которую до того мы имѣли объ ихъ поэтическихъ твореніяхъ. Поэтъ истинный, то есть поэтъ-создатель, всегда ознаменовывается созданіемъ своимъ особеннымъ и какъ бы собственнымъ гербомъ своимъ; и эта индивидуальная физіогномія должна быть предметомъ нашего изученія. Тотъ еще не знающій въ живописи, кто, зная какой эпохи картина, не знаетъ ея мастера.

Эта индивидуальность обозначается болѣе или менѣе, сообразно различнымъ возрастамъ общества. Во времена первобытныя она почти не существуетъ; всѣ члены общественнаго тѣла спуютъ на одной степеніи образованія, имѣютъ одинаковыя мысли и чувствованія, живутъ одною правдивною жизнью. Тогда воображеніе есть всеобщій даръ; Поэзія разлита повсюду; поэтъ подобенъ прочимъ людямъ, только даръ пѣснопѣнія у него развитъ наиболѣе, и онъ воспѣваетъ то, что находится во всѣхъ душахъ, во всѣхъ устахъ.

Выражая свою мысль, онъ выражаешь общую мысль. Тогда лице есть племя, поколѣніе. Опъ того въ эту эпоху поэтъ не имѣетъ имени; онъ ничего болѣе какъ бардъ, пѣвецъ. Кто сочинилъ Эдду, спаринныя баллады Сѣвера, спаринные романы Испанскіе? мы не знаемъ. Они никому не принадлежатъ. Это Поэзія времени, когда всѣ люди были поэтами. Тотъ, кто выразилъ ее въ словахъ, былъ только ея издашелемъ, а не пворцемъ, пошому и имя его не удѣлѣло; а если иногда и всплываетъ оно поверхъ всеобщаго забвенія, то ему приписываютъ все, что принадлежитъ первобышней эпохѣ; тогда имя выражаетъ только поэпическій геній своего времени; человекъ же, носившій его, совершенно погибаетъ. Таковы имена Оссіана, Гомера, которыхъ не говорятъ намъ ничего досповѣрнаго о тѣхъ, кому они принадлежали, но означаютъ для насъ извѣстный періодъ Поэзіи, подобно какъ Илпокрашъ предшавляетъ собою извѣстную Медицинскую школу.

Но чѣмъ болѣе развиваются общесства, тѣмъ болѣе опредѣляются и явспвенные обрисовываются частности, не въ дѣйствіяхъ, но въ мысли, и умножаетъ вліяніе свое на Поэзію. Въ первоначальныхъ общесствахъ, напрошивъ, дѣйствія бываютъ индивидуальны, а мысль и, слѣдспвенно, Поэзія, общи, собирашельны.

Въ героической Греціи мы находимъ только Гомера и Гезіода, ш. е. повѣспованія о войнѣ и поученія пракпической мудрости, шакъ какъ въ жизни были только бшства и совѣтъ. Но въ республикахъ Греческихъ различіе увеличивается и въ

по же время, съ свободнымъ развишемъ мысли, умножается различіе родовъ. Тотъ не довольно изучалъ эту эпоху, кто думаетъ найти въ ней одинъ общій типъ воображенія. Различно понимали искусство Эсхиль и Софокль, Менаандръ и Аристофанъ, Пиндаръ и Анакреонъ. Въ новѣйшія времена разнообразіе поэтическихъ свойствъ проявляется до безконечности. Душа, преданная обширнѣйшей дѣятельности, безпрестанно открываетъ въ мірѣ искусства новыя, дошолъ невѣдомыя спороты. Каждый великій поэтъ создаетъ свой собственный міръ, куда силою генія увлекаетъ чипапелей. Отсюда безчисленныя поэтическія соображенія и взгляды, отсюда столь различные роды совершенствованія. Безъ сомнѣнія, повинувшись личнымъ внушеніямъ, геній скорѣе заблуждается, скорѣе впадаетъ въ опасность принимая собственную фантазію вмѣсто чувствованій, свойственныхъ всей человѣческой природѣ, нежели когда онъ простодушно выражаетъ общія впечатлѣнія. Но за то, какая богатая, блестящая будущность предстопитъ ему! Не выходя изъ круга человеческой природы, онъ можетъ непрестанно открывать для Поэзіи новыя виды и положенія; для эного ему спопитъ только, углубясь въ самого себя, созерцать и живописать собственную свою природу; эпошъ приливъ индивидуальности есть вѣрный и блестящій залогъ неспощимой жизни Поэзіи въ будущемъ.

Пошому, чѣмъ далѣе подвигаемся мы въ поэтической Исторіи, шѣмъ съ большимъ спараніемъ должны изучать геній и частный характеръ по-

эповъ. Въ этомъ отношеніи біографіи, мемуары, анекдоты, все, что само по себѣ имѣетъ въпороспеленный интересъ, получаетъ въ глазахъ нашихъ высокую цѣну. Должно проникать всеми возможными средствами въ душу людей, которыхъ творенія мы изучаемъ; сближаться съ ними, читать и понимать ихъ сердце, какъ сердце друга; однимъ словомъ, стараться уловить тайну ихъ внутренней жизни во всемъ, что ее обнаруживаетъ. Изученіе ихъ темперамента, самой наружности, воспитанія, страстей, привычекъ, это тонкое и подробное изученіе не менѣе необходимо, какъ и великое изученіе вѣрованій, нравовъ и понятій современнаго имъ вѣка, потому что и тѣ и другія нѣмъ равно входятъ въ составъ ихъ произведеній.

Вы уже предчувствуете, Мм. Гг., какую занимательную и оживленную картину представитъ намъ эта часть поэтической Исторіи. Мы будемъ наблюдать человѣческую природу въ ея великихъ представителяхъ, открывать отношенія дѣйствительной ихъ жизни къ созданіямъ, которыхъ они намъ оставили. Какая любопытная галерея необыкновенныхъ людей, разнообразныхъ характеровъ, страннѣйшихъ судебъ! Вы найдете въ ней цѣлыхъ и царей, жрецовъ и актеровъ, воиновъ и женщинъ; найдете примѣры чистаго, блестящаго существованія, и въ великомъ числѣ примѣры спадальческой, и униженной жизни!

Поэзія проникаетъ всюду, во все условія общественнаго бытія, во все роды существованій; когда она должна гдѣ либо возродиться, ничто не

можетъ подавитьъ ея, ни роскошь, ни нищета, ни волненія, ни праздность, ни невѣжество, ни наука! Она найдетъ Эсхила на поляхъ Мараѳонскихъ, Виргилія за плугомъ, Данта среди гражданскихъ междоусобій, Мильтона среди споровъ религіозныхъ, Шекспира у двери театра, Расина въ Пор-рояль, Вольпера въ Парижскихъ гостиныхъ, Байрона въ палатѣ лордовъ, Гете въ университетѣ. Всѣ эти люди, брошенные въ среду столь различныхъ обстоятельствъ, повинующаяся одному призванію. Занимательно и почтительно послѣдовать за ними отъ самаго начала до блестящаго предѣла ихъ поприща, и самое поприще это не представляетъ ли по большей части прегательнаго и романическаго интереса? Вотъ Сервантесъ, плѣнникъ Мавровъ, и въ оковахъ замышляющій освобожденіе невольниковъ. Какъ удивился бы онъ тогда, если бы ему сказали, что онъ напишетъ Донъ Кихота! Вотъ Камоэнсъ, влечимый судьбою изъ Лиссабона въ Гоа, спасающійся вплавь, держа свою поэму надъ волнами, которую доканчиваетъ потомъ въ пещерѣ Кохинхины, и возвращающійся въ свое опеченство, чтобы умереть въ больницѣ, въ то время какъ бѣдный негръ собираетъ милостыню для великаго поэта. Это Чапермонтъ, оправаляющійся на семнадцатилѣтнемъ возрастѣ, чтобы избѣжать мукъ честолюбія и голода. Это Андрей Шенье, всходящій на плаху наканунѣ 9-го термидора. Но всѣ драматическія подробности судьбы поэтовъ, при всей своей занимательности, не составляютъ главнаго предмета нашего изученія; мы хотимъ знать ихъ внутреннюю, сокровенную

природу, споль часто исполненную противорѣчій и загадокъ, копорыя могушь объясняшь прошиворѣчія и загадки, вспрѣчаемыя въ ихъ швореніяхъ. Я приведу одинъ шолько примѣръ: поэзія Лорда Байрона, пока мы не изучили въ подробностяхъ этого необыкновеннаго чловѣка, производишь впечатлѣніе какого-то спраннаго, часто непоняннаго сновидѣнія. Мрачныя капризы мечтательнаго дѣтства, грустныя безпорядки юности, опданной собственному произволу, взрывы порока, величіе, нищеславіе, спраси, безуміе, энтузіасмъ, безпрестанно смѣнялись въ этой пылкой, энергической душѣ; чванство вельможи съ радикальными мнѣніями, причуды денди и безиравственнаго чловѣка съ вѣрованіями въ идеалы, презрѣніе и пошребность общественнаго мнѣнія, какое-то добродушіе, смѣшанное съ эгоизмомъ въ частной жизни, иногда безуміе разврата, наконецъ вѣчное болѣзненное сосшоаніе, кромѣ нѣсколькихъ минушь восшорга, — вошь что вспрѣчаемъ мы въ его далеко-неполныхъ мемуарахъ, вошь что находимъ въ его швореніяхъ и въ его причудливомъ геніи.

Въ этомъ быспромѣ очеркѣ, мы, кажется, прошли всѣ спупени, ведуція къ полному познанію поэтическыхъ памяшниковъ. Я обозначилъ поверхноспно главнѣйшія опношенія ихъ къ обществу, между собою и къ ихъ авшорамъ. Предположивъ, что всѣ эти опношенія изучены съ возможнымъ нищаніемъ, можемъ ли мы сказать, что долгъ историка Поэзіи исполненъ? Нѣтъ, Мм. Гг., но, что онъ понялъ и изучилъ, онъ долженъ еще взвѣсншь

и оцѣнить, п. е. онъ долженъ чувствовать и судить.

Дѣйствительно, наша наука шѣмъ болѣе привлекательна, что она имѣетъ предметомъ не одну истину, но еще и красоту. — Поэма не есть пруть, который должно разсѣкать хладнокровно, машина, которая не представляетъ другой занимательности кромѣ расположенія своихъ колесъ. Это произведеніе искусства, которое мы должны разсматривать въ его общности, которое призвано возбудить въ душѣ нашей впечатлѣніе изящнаго. Если мы не сочувствуемъ прекрасному, умъ нашъ будетъ походить на слѣпца, заохотѣвшаго освѣтить спящую. Наука не поможетъ намъ въ этомъ случаѣ. Цѣль пріуготовительнаго ученія нашего состояла въ томъ, чтобы усилить преграды, которые время и невѣжество могли воздвигнуть между прекраснымъ и нашею душою, сдѣлавъ доступнымъ для насъ это прекрасное, поставивъ насъ въ шѣ же самыя обстоятельства, среди которыхъ оно было произведено; исполнивъ эту долгъ, наука не можетъ сдѣлать ничего болѣе. Человѣкъ извлекъ изъ мрака картину, оперъ пыль, ее покрывавшую, объяснилъ ея содержаніе, освѣтилъ съ выгодной стороны, и поставилъ насъ въ надлежащее мѣсто для ея созерцанія; не опъ него зависить передать намъ чувство удовольствія и изящнаго при видѣ этой картины.

Наука подобна этому человѣку: она можетъ усилить всѣ препятствія, всѣ предразсудки, омрачающіе наше зрѣніе. Она можетъ поставить насъ на выгодное мѣсто, освѣтивъ главные пунк-

пы, но она не въ состояніи возбудить въ насъ участія и удивленія. Это чувство происпекаетъ отъ насъ самихъ; оно даже не вполне зависить отъ нашей воли, потому что нельзя чувствовать по произволу, а обнаруживать ощущенія, которыхъ не имѣешь, есть самая забавная слабость. Но мы можемъ, по крайней мѣрѣ, открывать душу нашу для всѣхъ возможныхъ впечатлѣній, не отвергать съ намѣреніемъ нѣкоторыхъ поэтическихъ удовольствій, принуждать себя заранее быть хладнокровными и безчувственными въ извѣстныхъ случаяхъ. — Я считаю великою глупостью лишать себя удовольствія изъ извѣстной и неосновательной гордости, просиравъ аристократію на самую Литературу, и считать похвалы униженіемъ своего достоинства. Смѣшное тщеславіе, быть нечувствительнымъ къ тому, что другимъ доставляетъ сладкія и возвышенныя впечатлѣнія! Не все ли равно, что гордиться недоставкомъ своихъ чувствъ?

И пакъ, Мм. Гг., мы будемъ собирать прекрасное со всѣхъ сторонъ; мы поступимъ съ Поэзіею, какъ поступають съ природою. Каждый изъ насъ имѣетъ свои любимые виды: одному нравятся море, другому горы; этому пустыни, тому обработанныя поля; но тотъ, кто любитъ море, не спомъ безразсуденъ, чтобы закрыть глаза при видѣ горъ. Будемъ имѣть своихъ любимыхъ поэтовъ, только чтобы это особый особенный вкусъ не дѣлалъ насъ нечувствительными къ красотамъ другихъ поэтовъ. Счастливы шѣ, кои, въ слѣдствіе гибкой природы и многократныхъ

сравненій, могутъ достигать этой разнообразной симпатіи, попеременно сближающей ихъ съ поэтическимъ геніемъ подъ самыми различными его видами. Такъ какъ эша способность не зависить отъ насъ, то, для ея достиженія, надобно ловить самыя случайныя и лешучія впечатлѣнія души. Нельзя опредѣлить заранѣе, что въ такой-то день мы будемъ наслаждаться такимъ-то поэтомъ; но можемъ случиться, что вдругъ, въ самую неожиданную минуту, себѣ невѣдомо, мы бываемъ, расположеніемъ души нашей, одинаково настроены съ чувствами поэта, и тогда все, что есть въ его геніи совершеннаго, дѣлается для насъ доступнымъ какимъ-то внезапнымъ опкровеніемъ. Это драгоцѣнныя мгновенія, которыми надо спѣшить пользоваться, потому что ихъ не замѣняютъ цѣлыя годы шруда и занятій. Однако жъ эти измѣнчивыя и прихотливыя впечатлѣнія не могутъ еще служить мѣрою нашихъ сужденій: подобно всякой спраси, они слишкомъ живы и обманчивы. Когда мы поражаемся такимъ образомъ красошами какого нибудь поэпического произведенія, то обыкновенно спавимъ его выше всѣхъ другихъ. Нѣтъ ничего предосудительнаго начинать приспрасіемъ; не будемъ только осшанавливаться на немъ. и послѣ восторга дадимъ мѣсто размышленію. Это участіе ума, который приходитъ судить, неограниченною власпью своею, наши впечатлѣнія и предметы ихъ: эшотъ верховный приговоръ высшей способности человека и называется крипикою.

Да, Мг Гг., эшо крипика, истинная крипика, не та мелочная и недоброжелательная, которая

вооружается противъ подробностей и не умѣетъ возвыситься до созерцанія общей идеи, но па обширная и плодотворная крипика, копорая все-му указываетъ настоящее мѣсто, и соединяя уваженіе къ гению со спрогосью къ заблужденіямъ, восхищается и осуждаетъ съ полною независимосью ума и воли.

Она должна опредѣлять важность и достоинства твореній, призываемыхъ ею на судъ.

Среди безчисленныхъ произведеній всѣхъ въ-ковъ и народовъ, первый долгъ крипики оплн-чать тѣхъ, копорые достойны памяти Исторіи, и опредѣлять степень ими занимаемую. Одинъ написалъ тысячу помовъ, не сдѣлавъ ничего для Поэзіи, и онъ не заслуживаетъ вниманія ея испорика; другой оспавилъ только нѣсколько стиховъ, и имѣетъ право на почетное мѣсто въ льпои-сляхъ искусства. Знаете ли, Мм. Гг., что можетъ служить мѣриломъ сужденія въ семъ случаѣ? Это самый фактъ поэпическаго творенія. Всякой чело-вѣкъ, облекшій искусство въ новую форму, при-песшій въ міръ дополъ неизвѣстный шипъ, оза-рившій искусство новымъ взглядомъ, эшопъ чело-вѣкъ подлежащій крипикѣ. Можетъ спашься, она будетъ спрога къ нему, опвергнетъ его по-вовведенія, но она не можетъ не говорить о немъ, не можетъ не судить его.

Тотъ, кто ограничился возобновленіемъ из-вѣстной уже формы, сдѣлалъ одинъ болѣе или менѣе искусный снимокъ, и историкъ Поэзіи не обязанъ заниматься симъ родомъ искусства. Раз-умѣетъ, изобрѣшая, мы скорѣе впадаемъ въ за-

блужденіе, но списывая, мы лишаемся случая творить. И такъ крипка все свое вниманіе посвящаетъ шѣмъ только недѣлимымъ, копорыя живутъ собственною жизнью. Она не занимается пересаженными расшеніями, живущими на могущественномъ деревѣ: при испоріи эпихъ расшеній она опсылаешъ къ испоріи самага дерева.

Кромѣ того важность лицъ соразмѣряется со степенью отношенія ихъ къ массамъ, на копорыя они оказывали вліяніе или коимъ служили выраженіемъ.

При равномъ геніи мы предпочтемъ поэта, копорый живописуетъ картины своего времени, тому, копорый рассказываетъ только собственную испорію и выражаетъ одни личныя впечатлѣнія. Почти у всѣхъ великихъ поэтовъ, время, въ которое они жили, представляется не въ холодной, бездушной картинѣ, но въ шѣсной съ ними связи и такъ сказать воплощеннымъ въ собственномъ ихъ бытіи. Ошного Поэзія временъ первобытныхъ, когда лица не отдѣляются отъ массы, но составляютъ съ нею одно цѣлое, имѣетъ столь великую занимательность; они всегда знакомятъ съ современною имъ эпохою, они бывають плодомъ истиннаго вдохновенія, и имѣють основаніе въ глубинѣ человѣческой природы. Инстинктъ, шворецъ эшой Поэзіи, не могъ заблуждаться въ своей просшости; одна только спрашъ поэтизировать безъ вдохновенія, порождаетъ дурныхъ поэтовъ; но эша спрашъ не можетъ заразить народовъ младенческихъ, копорые шворятъ Поэзію, пошому что не могутъ не творить.

Вліяніе, оказываемое поэмою на людей, служило для критики мѣрою къ опредѣленію его достоинства. Ничто не шестею, Мм. Гг., что въ семъ мірѣ имѣло вліяніе! Ни одинъ человекъ, если онъ двигалъ душу и возбуждалъ удивленіе въ подобныхъ себѣ, не долженъ оспариваться въ забвеніи. Въкъ рѣдко ошибается и даже самое заблужденіе его заслуживаетъ нашего внимательнаго изслѣдованія; взятыя въ массу, вѣка не ошибаются никогда, и сужденіе критики подтверждается только окончательно произнесенный ими приговоръ.

Слѣдуетъ ли изъ этого почитать это сужденіе излишнимъ? Нѣтъ, Мм. Гг., критика должна показывать причины, и подтверждать своими доводами мнѣнія вѣковъ. Раздѣливъ поэтическія произведенія по степенямъ ихъ достоинства, она овладѣваетъ ими, и, опдѣляя, неумолимою рукою, хорошее отъ дурнаго, красоты отъ недоспашковъ, судитъ Поэзію, какъ совѣсть судитъ Исторію. Вѣка признали Расина и Шекспира двумя великими поэтами. Ни какая частная критика не возстанетъ противу этого высокаго рѣшенія; но это только одинъ результатъ: критикъ принадлежитъ честнѣ объявить и оцѣнить причины этого мнѣнія. Она будетъ защитникомъ генія противъ духа партій. Она начнетъ изученіемъ красоты, потому что вся ея слава состоитъ въ открытіи и обнародованіи красоты; эпохъ подвиговъ прекраснѣе и зашруднишелейнѣе зависливаго изысканія нѣкоторыхъ недоспашковъ. Одинъ Англійскій

поэтъ (*) сказалъ: «Грязный листъ плыветъ по-
верхъ волны, но дорогой жемчугъ зарытъ на глу-
бокомъ днѣ.»

Исполнивъ эпокъ долгъ, кришика не забудетъ, что по же безпристрастіе предписываетъ ей, вмѣстѣ съ означеніемъ красотъ и достоинствъ, обнаруживать заблужденія и ошибки великихъ людей, и ея укоры, исполненные того же приличія, какъ и хвалы, будутъ новою данью уваженія генію и истинѣ. Рѣдко восходитъ кришика на эту высшую степень безпристрастія, которая одна можетъ дославить ей истинное величіе. Часто повторяли стихъ:

La critique est aisée et l'art est difficile.

Мм. Гг., кришика и искусство исполнены равныхъ трудностей; совершенство обоихъ одинаково рѣдко. Я даже думаю, что въ мірѣ было больше великихъ артистовъ, нежели кришиковъ. Чтوبъ быть великимъ кришикомъ, надобно обладать душою поэта и мыслию философа.

Мм. Гг., я обозначилъ всѣ условія полной Исторіи Поэзіи, и теперь самъ смущаюсь при взглядѣ на столь обширную каршину. Однако жъ самое безсиліе мое меня подкрѣпляетъ. Вы не будете ожидать отъ меня исполненія труда, который доселѣ еще не былъ вполнѣ объятъ ни однимъ смертнымъ. Я, можетъ быть, по необходимости, долженъ былъ установить и показывать вамъ отдаленную цѣль нашихъ усилій и сознаваться въ безсиліи моемъ къ ея достиженію: вы отдадите мнѣ по крайней мѣрѣ справедливость, что я

(*) Фрайденъ.

не съ ограниченной стороны смотрѣлъ на свое назначеніе.

Я не имѣю намѣренія излагать вамъ полную Исторію Поэзіи, которая еще не существуетъ, и для которой недостапочно, можете быти, цѣлой человѣческой жизни. Я ограничусь одними машеріями, одними общими идеями. Я предложу вамъ множество фактовъ, множество разборовъ и извлеченій, по возможности близкихъ и одушевленныхъ. — Вотъ содержаніе моего курса, который вновь поручаю испытанному мною списхожденію вашему.

И такъ прійдите, Мм. Гг., услышать, не меня, но взглянуть на богатство произведеній иностранной литературы, подивиться на чудесное развитіе ума человѣческаго, въ теченіе новѣйшихъ временъ, отъ варварства VI вѣка до образованности XIX. Какъ мы счастливы! Намъ принадлежатъ творенія всѣхъ временъ! Если справедливо мнѣніе нѣкоторыхъ умныхъ людей нашего времени, утверждающихъ, что судьбы Поэзіи совершились, то предпринимаемый нами трудъ, который долженъ вызвать все, что Поэзія произвела прекраснаго и великаго, и образовавъ изъ ея памятниковъ одинъ великолѣпный музеумъ, этотъ трудъ, не доставитъ ли намъ возвышеннаго удовольствія въ сей горестной утратѣ!

Но, Мм. Гг., я не раздѣляю этого печальнаго мнѣнія. Я отъ души вѣрую въ будущность Поэзіи, какъ и въ будущность образованности. Я твердо убѣжденъ, что въ нашемъ отечествѣ, среди поколѣнія, трудами и ученіемъ приугошав-

ляющагося къ высокимъ судьбамъ, возстануть великіе люди, кошорые внесуть свой бюспъ въ эпоху музеумъ.

Нѣтъ, Мм. Гг., Поэзія не можетъ погибнуть. Въ то время, когда она кажется безсильною и умирающею, для нея внезапно пробивается новый ключъ вдохновенія и энтузіасма. Поэзія совлекаетъ съ себя вѣхія, испоченныя временемъ одежды, и подѣ новымъ видомъ оживаетъ въ новомъ цвѣтѣ красоты и юности. Едва испощается поэпическая форма и намъ уже кажется, что Поэзія умираетъ: но это одинъ обманъ! Здѣсь, какъ и въ челоуѣкѣ, исплѣвается одна оболочка, одно шѣло, душа же существуетъ неразрушимо. Нѣмецкій крипикъ, оракулъ своего времени, *Готшедъ* писалъ въ 1750 году, что Германская Поэзія клонится къ паденію, что она забыла спасительныя преданія, что она удалилась отъ истинныхъ образцовъ, и между шѣмъ какъ онъ оплакивалъ близкую кончину Нѣмецкой Литературы, истинная Словесность Нѣмецкая только что зарождалась, и 17 лѣтній юноша, Клоппокъ, пріугоняивалъ въ пиши и неизвѣстности великое швореніе, долженствовавшее для Поэзіи его опечества опкрыть новый пупъ, по кошорому она со славою шествуетъ почти цѣлое столѣтіе. Поэзія преобразуется подобно обществу. Среди всеобщей изнѣженности и пустоты XVIII вѣка, кто бы подумалъ о кровавыхъ сценахъ и необычайныхъ усиліяхъ Французской революціи? Какъ предвидѣть Корнеля въ эпоху Жоделя? Какъ въ нашемъ

вѣкъ предчувствовать заранѣе появленіе Байрона или Шатобріана?

Безъ сомнѣнія, видя безпрестанно великія завоеванія философскаго духа и успѣхи положишительныхъ и историческихъ наукъ, позволивательно опчаявшись въ будущности Поэзіи, думаешь по крайней мѣрѣ, что вдохновеніе ея, измѣняясь въ существѣ, впредь обращаться будетъ только къ мыслишелоу, ученому, историчу. Дѣйствительно въ *Исторіи завоеванія Англіи Норманами* (*) болѣе эническаго дарованія, чѣмъ во всѣхъ нашихъ мнимыхъ эпопеяхъ. Но, Мм. Гг, изъ того, что Поэзія разливается за предѣлы своей области, еще не слѣдуетъ, что она переспанетъ въ ней господствовать. Исторія въ высшей степени поэтическая, не замѣнитъ Поэзіи, также какъ историческій романъ не замѣнитъ Исторіи. Всему назначено мѣсто въ здѣшнемъ мірѣ, и Поэзія навсегда сохранитъ свое. Въ насъ вѣчно будетъ нѣкошорая пошребность идеала, какое-то спремленіе къ лучшему міру, и эшой-то внушренной пошребности человека, удовлетвореніе кошорой съ каждымъ днемъ спановишся зашруднишельнѣе, никогда не измѣняшъ ни высшіе взгляды ума, на богашые резульшашы науки, ни открьшія Исторіи. Послѣ того, что сдѣлано, оспаюшся еще неизвѣданныя бездны въ воображеніи и сердцѣ человѣческомъ; оспаешся живописать новыя чувшва, развивающіяся съ успѣхами вѣковъ. Даже эши великія идеи науки, эши высшіе взгляды Философіи и

(*) Тіерри.

Исторіи имѣютъ свою поэзію, поэзію еще не разработанную. Для насъ кипитъ цѣлое море энтузіасма, и оно долго, долго не изсякнетъ! Однимъ словомъ, Поэзія подобна жизни вселенной, кошорая, обновляясь и преобразуясь непрерывно, не останавливается и не попускаетъ никогда!

Съ Фр. М. П—х—въ.

II.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ЦАРЬ БОРИСЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГОДУНОВЪ (*).

Борисъ Ѳеодоровичъ, Царь и Самодержецъ всея Россіи, родился въ 1552, вступилъ на престолъ въ 1598, умеръ въ 1605 году.

Онъ происходилъ отъ Ташарскаго мурзы Чепны, выѣхавшаго въ Московское Княжесство изъ Золотой, а по другимъ, изъ Большой Орды, въ княженіе Іоанна Даниловича Калиты, въ первой половинѣ XIV столѣтія. Одинъ изъ потомковъ Чепны былъ Дмитрій, по прозванію *Зерно*; отъ внука его, Ивана *Годуна*, получилъ названіе свое родъ *Годуновыхъ*, изъ кошораго и происходитъ Царь Борисъ Ѳеодоровичъ.

Одно имя этого, по истиннѣ великаго, но въ высшей степенн злополучнаго гоеударя возбуждаетъ въ душѣ множесство воспоминаній и горестныхъ и утѣшительно высокихъ. Вся жизнь Бориса Ѳеодоровича была сѣвленіемъ случаевъ неожиданныхъ, по большей части бѣдственныхъ.

(*) Изъ 6-го тома Энциклопедическаго Лексикона.

Какое дивное, порожесивенное явленіе представ-
 ляетъ собою эпопѣя почи протсполудень, Та-
 шаринъ происхожденіемъ, слою ума и желѣзно-
 швердой воли своей умѣвшій возвыситься надъ
 современниками, спавъ выше всѣхъ, и держапъ въ
 повиновеніи эту шумную, гордую своими приви-
 легіями и древностію аристокрацію Русскую, —
 когда съ другой стороны употребляемы были
 всѣ возможныя козни, перепробованы были всѣ
 орудія, чпобъ одолѣть этого исполина, несшерни-
 мо-великаго для собраній его по происхожденію и
 званію, — когда для этого вызваны были даже
 мершвые изъ гробовъ своихъ, пѣни усопшихъ
 получили жизнь, заговорили, и ополчились на по-
 гибель его!... Какая жизнь! Какая великолѣпная
 драма! И какъ послѣ этого понятна привязан-
 ность поэтовъ и липераторовъ нашихъ къ этому
 великому историческому характеру, умѣвшему въ
 XVI вѣкѣ, при всеобщемъ невѣжествѣ Русскихъ
 и рабской покорности ихъ древнимъ предразсуд-
 камъ, опередить вѣкъ и возвыситься надо всѣми
 не одною властію самодержавною... Но эпопѣя же
 великій характеръ омраченъ подозрѣніями, ко-
 торыя набрасываютъ пѣни на всѣ попытки его
 жизни. Наши историки, и въ числѣ ихъ главнымъ
 безсмертный нашъ исторіографъ, хотѣютъ чпобъ
 мы видѣли пробудительною причиною всѣхъ дѣлъ
 Бориса одно безмѣрное, ненасытимое властлюбіе,
 приносившее въ жертву себѣ все: и кровь под-
 данныхъ, и дружбу, и родство, и священнѣйшія
 чувства любви и благодарности, и самую свящын-
 ную власті; хотѣютъ, чпобъ мы вмѣстѣ съ ними

проклинали Бориса, и казнили его именами кроваваго власнолюбца, тирана, святоубійцы!.. Осбережемся отъ такого опрометчиваго суда надъ человѣкомъ, которымъ, можетъ быть, должна гордиться Россія, и не принимая на себя обязанности рѣшительно оправданъ его отъ всехъ обвиненій, изложимъ испорію его жизни такъ, какъ представляющъ ее намъ извѣстія, повидимому, достоверныя, чѣмъ чинапели сами могли сдѣлать правдоподобнѣйшіе выводы. Замѣнимъ только напередъ, что все обвиненія Бориса въ святоубійствѣ Карамзинъ основываетъ по большей части на показаніяхъ Морозовской Лѣтописи и «Повѣсти о разореніи Московскаго Государства»—безыменныхъ лѣтописяхъ, неизвѣстно кѣмъ и когда писанныхъ, или на Никоновской Лѣтописи, принадлежащей къ позднѣйшему времени; а рассказы о томъ, что думалъ и чувствовалъ Годуновъ при такомъ или другомъ случаѣ — на собственныхъ догадкахъ. (См. Исп. Гое. Рос. Т. X весь и XI до 183 стр., полного изданія.)

Жизнь Царя Бориса Феодоровича можетъ быть раздѣлена на три періода: первый отъ появленія его при Дворѣ Іоанна Грознаго до смерти этого Государя; второй отъ начала до конца царствованія Феодора Іоанновича, третій — отъ вступленія его самого на престолъ до кончины.

Первый изъ сказанныхъ трехъ періодовъ представляетъ мало свѣдѣній о жизни Бориса Феодоровича. Знаемъ только, что онъ, будучи сыномъ Феодора Ивановича Годунова, былъ свой-

свѣнникомъ первой супруги В. К. Василія Іоанновича, отца Іоанна Грознаго; жилъ съ Іоанномъ въ Александровской Слободѣ, и въ юныхъ еще лѣтахъ (прежде 20) женился на дочери любимца Іоанна, главы Опричниковъ, Малюпы Григорья Лукьяновича Скурапова - Бѣльскаго, Маріи Григорьевнѣ. Знаемъ также, что среди звѣрской Опричнины, сшоя у престола окровавленнаго, Борисъ одинъ изъ всѣхъ царедворцевъ опличался въ то время разврата и ужасовъ чистотою душевною, тихостию нрава и красою; онъ всегда умѣлъ искусно избѣгать участія въ убійствахъ, и рѣшительно неповиненъ былъ ни въ одной каплѣ крови, пролитой Опричиною. Но это время было для него школою, въ которой онъ вызнавалъ духъ тогдашняго Русскаго мятежнаго боярства, всѣ тайныя пружины, управлявшія его дѣйствіями, и оставаясь постороннимъ зрителемъ происходившаго вокругъ Іоанна, наблюдалъ людей, главныя лица и характеры той эпохи, и такимъ образомъ вооружался опытностію на будущую борьбу съ ними. Не опличаясь и въ юности рашнымъ духомъ, онъ хотя и участвовалъ въ войнѣ съ Ханомъ Крымскимъ (1570) и съ Ливоніею (1572), но всегда находясь при особѣ Государя: въ первую войну онъ находился при вѣпоромъ саадакъ царскомъ, а во вторую при копѣ. Еще не имѣя ни какого важнаго сана, онъ въ 1571 году, при прѣшней женихѣ Іоанна Грознаго на Марѣ Собакиной, былъ дружкой со стороны Царицы, а жена его свахою; эти званія почитались знакомъ особенной царской милости. Въ 1580 г., за чепыре года до смерти

Іоанна, Борисъ Оеодоровичъ пожалованъ былъ въ бояре по случаю женипъбы наслѣдника престола, Оеодора Іоанновича, на сеспръ его, Ирину Оеодоровну, и въ томъ же году, при седьмомъ и послѣднемъ бракѣ Іоанна (съ Маріею Оеодоровною Нагою), былъ дружкой съ Царицыной стороны, а сеспра его Ирина посаженою маперью Царя. Съ тѣхъ поръ Борисъ жилъ при Царѣ неопшпунно. Однажды онъ заболѣлъ. Іоаннъ самъ прѣхалъ къ нему и сказалъ: «Борисъ! спрадаю за тебѣ какъ за сына, за сына какъ за невѣспку, за невѣспку какъ за самого себя,» — поднялъ при перста, и примолвилъ: »се Оеодоръ, Ирина и Борисъ; ты не рабъ, а сынъ мой.» Въ послѣдніе часы жизни, всѣми оставленный для исповѣди, Грозный удержалъ Бориса при одрѣ своемъ, говоря: »Для тебѣ обнажено мое сердце. Тебѣ приказываю душу, сына, дочь и все Царство: блюди, или дашь за нихъ опѣшпъ Богу.»

Кончина Іоанна Грознаго (1584) была важною эпохою въ жизни Бориса Оеодоровича. Съ этого времени начинается второй періодъ его жизни, періодъ дѣятельности обширнѣйшей, подвиговъ государственныхъ. Борисъ еще не царствовалъ, не носилъ еще на главѣ своей шапки Мономаховой, но въ полной мѣрѣ царевалъ въ продолженіе 14 лѣшъ, т. е. во все время пребыванія Оеодора на престолѣ.

Послѣ спрогого правленія Іоаннова долженъ былъ возсѣсть на пронъ спаршій изъ двухъ оставшихся сыновей его, 27 лѣшній Оеороръ, слабый, блѣдный, больной, изнемогшій заранѣе и тѣ-

лесными и душевными силами. Иоаннъ, предвидя, что послѣдникъ его, самою природою обреченный на всегдашнее малолѣтство духа, способенъ быть болѣе *постникомъ и молчальникомъ*, нежели государемъ самодержавнымъ, умирая, опредѣлилъ для управленія государствомъ верховную думу изъ пяти бояръ: Князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, Никишы Романовича Юрьева, Кн. Ивана Шуйскаго, Бѣльскаго и Бориса Ѳеодоровича, назначивъ припомъ другому сыну своему, двухлѣтнему младенцу Димитрію и матери его, Маріи Ѳеодоровнѣ, въ удѣлъ Угличъ, а воспитателемъ Димитрію одного изъ членовъ пятибоярской думы, главнаго своего любимца — Бѣльскаго. Первымъ дѣломъ этой думы было уничтоженіе дворской паршіи, въ последнее время окружавшей Иоанна, и злодѣйствовавшей вмѣстѣ съ нимъ. Въ слѣдствіе этого, почти всѣ любимцы Грознаго въ первую ночь правленія думы или высланы были изъ Москвы, или заключены въ темницы, а къ родственникамъ Царицы, Натимъ, со времени вступленія Иоанна въ бракъ съ Маріею преимущественно наполнявшимъ царскій перемъ, приславлена спража. Изъ всѣхъ любимцевъ Иоанновыхъ остались при своихъ мѣстахъ только Бѣльскій и свойственникъ его, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Немедленно послѣ того созвана была земская дума, сославившаяся изъ высшаго духовенства, дворянства и всѣхъ людей именитыхъ, для принятія мѣръ къ преобразованію и усироенію правительства. Земская дума, назначивъ время и обрядъ царскаго вѣнчанія Ѳеодора, отправила въ Угличъ вдовствующую Царицу

Марию вмѣстѣ съ сыномъ ея Димитріемъ, а съ нею и всѣхъ Пагихъ, подозрѣвая ихъ, какъ кажешся, въ намѣреніи удалить оныхъ царствованія Θεодора, возвести на престолъ Димитрія, и самимъ властвовать во время его малолѣтства. При отъѣздѣ Димитрія въ Угличъ, воспитатель его, Бѣльскій, осмался въ Москвѣ, какъ членъ пяти-боярской думы. Это обстоятельство было поводомъ къ безпорядкамъ весьма опаснымъ и обнаружившимъ первое движеніе зависп къ Борису. Сначала носились темные слухи, распускаемые Князьями Шуйскими, Ляпуновыми, Кикиными, объ опасности, угрожающей Θεодору; говорили, что Бѣльскій давно уже возбуждавшій къ себѣ ненависть какъ любимецъ Іоанновъ, отправивъ Іоанна, хочеть умертвить Θεодора, и возвести на престолъ друга и свойственника своего Бориса (который также извѣстенъ былъ какъ любимецъ Грознаго). Слѣдствіемъ этихъ слуховъ былъ бунтъ, охватившій собою всю Москву; мятежники бросились въ Кремль, и пребовали выдачи Бѣльскаго. Бѣльскій скрылся въ опочивальни Θεодора; высланные къ народу бояре именемъ царскимъ вспунили съ буйною толпою въ переговоры, и убѣдили ее удовольствоваться высылкою Бѣльскаго изъ Москвы: мятежники разошлись по домамъ, славословя имя Θεодора и бояръ его. — Это было для Годунова первымъ знакомъ той опасности, которая угрожала со всѣхъ сторонъ, и которую готовили ему злоба и зависп, хотя имени его и не было про-изнесено бунтовавшею чернью. Ляпуновы, Кикины и другіе главные возмущенные были наказаны;

сосланы въ дальніе георода и заключены въ іем-
ницы.

По прекращеніи мяшежа, новое правительсво, сосредоточившееся такимъ образомъ въ думъ пѣтибоярской, спокойно принялось за свое дѣло. Изъ всѣхъ пѣти особъ, соспавлявшихъ думу, дядя царскій, Никиша Романовичъ Юрьевъ, вѣроятно, по древнему уваженію къ родственному спартыпинству, считалъ себя выше другихъ, и уже дядя Андрей Щелкаловъ мечталъ именемъ его управлять всѣмъ. Но обстоятельство измѣняющъ и побуждающъ самыя закоренѣлыя мнѣнія. Напуганный послѣднимъ бунтомъ, слабый Феодоръ искалъ себѣ уже не совѣтника, не поварища въ правленіи, но человѣка, которому могъ бы отдать всю власть и сложить съ себя ея тяжелое бремя. А къ кому лучше могъ обратиться онъ, какъ не къ Борису Феодоровичу, умному, осторожному, опытному и въ высшей степени дѣлельному, успѣвшему уже, не смотря на молодость свою, привлечь къ себѣ уваженіе и надежды всѣхъ? Ни одинъ изъ думныхъ бояръ не могъ сравниться съ нимъ въ эсихъ качествахъ. Онъ тогда имѣлъ только 32 года, и, какъ говоришь лѣтописецъ «одаренъ былъ онъ »Бога возрастомъ и человѣчествомъ и умомъ паче »всѣхъ чловѣкъ: образомъ своимъ и дѣлы мно- »жесво людей превосшелъ, и никто же бѣ ему »онъ царскаго сиклиша подобенъ во благолѣпн »лица его и въ разсужденіи ума его, и велерѣчивъ »зѣло, и многое о дивное о себѣ шворяще во дни »власти своей». Однако жъ эпоха полновластія Бориса начинается не прежде царскаго вѣнчанія

Оеодора, копорый при эпомъ случаѣ осыпалъ его всѣми возможными милосшями: далъ ему санъ ко-нюшаго, семнадцатъ лѣтъ никому не жалованный, пишло Блжнлаго Великаго Боярина и намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго (*); вмѣстѣ съ эшимъ безпримѣрнымъ пишумомъ надѣлилъ его и богашствами безпримѣрными, давъ ему лучшія земли и помѣстья, доходы обласпи Двинской и Ваги, всѣ луга на берегахъ Москвы-Рѣки съ лѣсами и пчельниками, разные казенные сборы Московскіе, Рязанскіе, Тверскіе, Сѣверскіе, — все эшо кромѣ особаго денежнаго жалованья. Вмѣстѣ съ эшимъ жалованьемъ и доходами съ своихъ родовыхъ опчинъ въ Вязьмѣ и Дорогобужѣ, Борисъ получалъ ежегодно не менѣе восьми или девяти сотъ тысячъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей: богашство, до шого времени неслыханное! Онъ могъ выводипъ на свой счешъ до 100,000 воиновъ въ поле, и имѣлъ шакимъ образомъ, въ случаѣ нужды, собшвенную сильную оборону, копорая, при довѣріи и привязанности къ нему Царя, дѣлала его истиннымъ власшелиномъ Царшва.

Послѣ вѣнчанія Оеодорова начинается единовласшное цареваніе Бориса Оеодоровича. Пишнбоярская дума пошчасъ была унишпожена, ошавшіеся въ ней, кромѣ Бориса, послѣ ссылки Бѣльскаго, при боярина: Кн. Мспиславскій, Шуйскій и Никиша Романовичъ судили наряду съ дру-

(*) Патріархъ Іовъ, а за нимъ вѣроятно и многіе современники, называли Бориса *правителемъ*. У Іова (въ Никон. Лѣтоп.) вмѣсто имени Бориса часто встрѣчается: »изрядный правитель.«

гими боярами въ прежней обыкновенной царской думѣ. Оставался слѣдовательно одинъ Борисъ, безъ товарищей, безъ совѣспниковъ. Современные свидѣтели этихъ событій въ Москвѣ, иностранцы: Нѣмецкій паспоръ Беръ и Шведъ Пешрей рассказываютъ при этомъ случаѣ, что Царь велѣлъ вельможамъ своимъ избрать мужа благо-разумнаго, на котораго бы могъ возложить всю тяжесть заботъ государственныхъ; что, въ слѣдствіе этого, единогласно правитель царства былъ избранъ Борисъ Годуновъ; что Феодоръ, по совершеніи приличныхъ обрядовъ, всмалъ съ своего мѣста, и снялъ съ себя золотую цѣпь, украсилъ ею правителя, и сказалъ: »Вмѣстѣ съ сею цѣпью снимаю Я, Царь и Самодержецъ всея Руси, бремя съ моей выи и возлагаю оное на тебя, Борисъ Феодоровичъ! Рѣшай въ моемъ государствѣ всѣ дѣла, кромѣ важнѣйшихъ, которыя докладывай мнѣ, не приводя ихъ въ исполненіе безъ моей царской воли: Я буду по прежнему Царемъ-Государемъ.« Какъ бы то ни было, только съ этого времени, съ самого вѣнчанія своего, Феодоръ ходилъ по монастырямъ, молился и ничѣмъ не за-вѣдывалъ; даже при выходѣ изъ своего шерема, будучи окружаемъ челобитчиками, всегда отсы-лалъ ихъ къ Борису, »избывая (какъ говоришь лѣтописецъ) мірскія суебны и докучи.« А между тѣмъ Борисъ, съ согласія царской думы, началъ измѣнять личный составъ правительсва во всей Россіи: смѣнилъ почти всѣхъ намѣспниковъ, воеводъ и судей, замѣнилъ ихъ другими, и создалъ такимъ образомъ свое, новое правительсво; устро-

илъ войско, увеличилъ число его, назначилъ ему новыхъ начальниковъ, и началъ войны для утвержденія власи Россіи на Воспокъ, и для довершенія государственнымъ образомъ того, что началось почти случайно при Іоаннѣ Грозномъ. Посланныя имъ войска окончательнo поработили Черемисскую Землю въ бывшемъ Казанскомъ Царствѣ, а основанныя по его велѣнію и населенныя Русскими крѣпости на Горной и Луговой Сторонѣ Волги: *Цивильскъ*, *Уржумъ*, *Царевъ-Городъ на Кокшагѣ*, *Самурскъ* и другія, навсегда присоединили эту землю къ Россіи, связавъ ее съ послѣднею единствомъ Вѣры и народности. Далѣе, — не зная еще о гибели Ермака, Борисъ отправилъ ему на помощь воеводу со многимъ войскомъ (1585), которые соединились уже съ отрядомъ Ермакова отряда, бывшего подъ начальствомъ Мещеряка, на р. Турѣ; тамъ, по завоеваніи береговъ Туры, воеводы Борисовы основали городъ *Тюмень*, попомъ заложили *Тобольскъ*, и въ немъ первую Христіанскую церковь (1587), завоевали окончательнo Нагайское Иртышское Царство, одерживали нѣсколько разъ побѣды надъ Кучумомъ и брали въ плѣнъ сыновей его. Подвигаясь далѣе и далѣе впередъ и пріобрѣтая новыя земли, воеводы основывали, для упроченія завоеваній своихъ, крѣпости *Пелымъ*, *Березовъ*, *Сургутъ* (1592), *Тару* (1594), *Нарымъ* и *Кетскій Острогъ* (1596), которыя защищали пріобрѣтенныя ими земли отъ набѣга Остяковъ, Вогуличей и всѣхъ Кучумовыхъ улусниковъ. Между тѣмъ какъ войско мечемъ расширяло власъ Россіи по отдаленной Сибири, Борисъ заботился о

распоряженіяхъ, копорыми бы новыя пріобрѣтенія укрѣпились на вѣчныя времена за нею: распоряженія эши мудростію могутъ равняться только завоевательнымъ мѣрамъ Іоанна III. Обложивъ все побѣжденные въ Сибири народы ясакомъ, Борисъ, кромѣ вспомогательнаго войска, посылалъ изъ Перми, Вятки, Каргополя, изъ самыхъ областей Московскихъ цѣлыя толпы земледѣльцевъ для населенія вновь основанныхъ крѣпостей, и для разрабыванія вокругъ ихъ земель годныхъ для хлѣбопашества, дабы обрусить такимъ образомъ дикихъ обитателей Сибири, и пріучить къ занятію охотному — первой степени гражданской образованности. Эшими распоряженіями совершенно окончено покореніе Сибирскаго Царства, за которое Россія по истинѣ обязана Борису.

Правительствованіе Бориса Феодоровича относительно дѣлъ вѣшнихъ, и поступки его съ государствами чужестранными ознаменованы пою же печатію государственнаго ума, удивительною въ то время любовію и уваженіемъ къ образованности, и какою-то народною гордостію. Вся тогдашняя вѣшняя политика Россіи обращалась около 9 государствъ: Англіи, Нѣмецкой Имперіи, Даніи, преимущественное же вниманіе устремлено было на Швецію, Польшу, Крымъ, Турцію, Персію и Грузію.

Сношенія съ Англіею касались только дѣлъ торговыхъ, выгодъ и привилегій Англичанъ въ коммерческихъ дѣлахъ съ Россіею. Борисъ глубоко понималъ всю пользу Англійской торговли для Русскихъ, для обогащенія и самаго образованія

ихъ, и попому оказывалъ самыя лестныя знаки дружества и уваженія Англійской Королевѣ Елисаветѣ, начавъ съ того, что наканунѣ коронаціи Θεодора (1584) съ честью отпустилъ Елисаветину посла Бауса, и далъ ему дружелюбное письмо къ Королевѣ, которое Баусъ, въ досадъ на Русскихъ, оставилъ въ Холмогорахъ; попомъ отправилъ вслѣдъ за нимъ гонца Бекмана, и черезъ него получилъ отъ Елисаветы дружественную граммату; въ ней Елисавета, дозволяя свободную торговлю Русскимъ въ Англіи, требовала, чтобъ дано было право исключительной торговли въ Россіи обществу Лондонскихъ купцевъ, утвержденному Королевою, и запрещено другимъ Англичанамъ учаспвовать въ торговлѣ. Проницательный Борисъ понялъ хитрую Елисавету, и отправивъ къ ней гонцемъ Горсея, писалъ, именемъ Θεодора, что Русскій Царь въ угодность Англичанамъ не зашворишь дорогъ въ свою землю другимъ иностранцамъ. Елисавета, вывѣдавъ отъ Горсея всѣ подробности, касающіяся до соспава и дѣлъ Русскаго правительсва, прислала съ нимъ граммату къ Царю и особыя письма къ Борису Θεодоровичу и сестрѣ его — Царицѣ, отпустила къ ней своего доктора Якоби, который »женскія болѣзни всякія знаетъ и родильныя болѣзни всякія легчипъ«, называла ее своею любезнѣйшею кровною сестрою, а брата ея »кровнымъ любительнымъ пріишемъ« (какъ перевелъ самъ Борисъ въ письмѣ къ Елисаветѣ слова ея: *our most dear and loving cousin*), благодарила его за доброхотсво къ Англичанамъ, и просила покровительсва

имъ. Борисъ отвѣчалъ Елисаветѣ учтивымъ письмомъ (первый примѣръ переписки Русскаго подданнаго съ иноспраннымъ государемъ), и дѣйстви-тельно оказалъ Англійскимъ купцамъ покровитель-ство, хотя и не исключительное. Когда же пре-быванія Елисаветина правительствѣ превзошли мѣру, Борисъ велѣлъ дѣяку Щелкалову написать отъ себя опказъ и замѣшивъ «приказнымъ людямъ» (министрамъ) «Елисаветѣ Королевны» что «они писали въ своей грамоцѣ многія непригожія дѣла, и что такому великому чловѣку (шурину царско-му) прошивъ того ихъ письма писати было непри-гоже.» — Послѣ (въ 1588—1589), по несогласіямъ, происшедшимъ между нашимъ правительствомъ и Лондонскими купцами, взявшими въ долгъ у Бори-са, у боярѣ, у дворянъ и изъ царской казны око-ло полумилліона рублей, и заправшимися въ этотъ долгъ, посланъ былъ въ Англію вторично Бекманъ, а отъ Елисаветы прибылъ съ новымъ договоромъ докторъ Флешчеръ, которъй между прочими но-выми привилегіями требовалъ, чпобъ Англичане были судимы только Борисомъ Θεодоровичемъ. На всѣ требованія былъ опивѣтомъ опказъ, съ замѣ-чаніемъ, чпо Царь желаетъ дружбы Елисаветы, не можетъ согласиться съ тѣмъ, чпобъ взаимная дружба государей питалась только дѣлами купе-ческими, и чпобъ безъ торговли они не имѣли другихъ средствъ сноситься между собою: «шакія де выраженія не приличны;» а касательно послѣд-няго требованія сказано, чпо непристойно шури-ну царскому, которому ввѣрено все государство, и безъ воли котораго ничего не дѣлается, судить

Англичанъ; что ихъ будущъ судить приказные, а ему только доносить. Тогда Флешчеръ обратился прямо къ Борису, писалъ къ нему, льстилъ, просилъ видѣть его пресвѣтлыя очи, называлъ его чesтью и славою Россіи; но Борисъ настоялъ на своемъ, не принявъ даже даровъ Елисаветы, «по-тому» писалъ онъ къ ней, «что посолъ швой привезъ отъ тебя къ Государю нашему поминки золотые и вполы золотой, и въ четверть золотой, и въ денгу золотого: и такіе поминки межъ васъ, великихъ Государей, прежь сего не бывали», — и Флешчеръ послѣ долгихъ усилій выхлопоталъ для Англичанъ только одно преимущество, именно, что съ нихъ брали пошлину только вполовину меньше противъ другихъ. Эта настойчивость Бориса, равнявшаяся только упорнымъ требованіямъ Англійскаго правительсва, заставила гордую Елисавету уважать (хоть, по крайней мѣрѣ, наружно, изъ опасенія) и Россію и Царя Русскаго; и когда Флешчеръ издалъ свою исполненную клеветами книгу о Россіи, Елисавета запретила ее. Въ сношеніяхъ съ Борисомъ она всегда называла его благошворителемъ, истиннымъ благодѣтелемъ Англичанъ, единственнѣмъ виновникомъ всѣхъ правъ ихъ и выгодъ.

Но несравненно большей важности были сношенія Русскаго правительсва съ Польшею и Швеціею. Еще при жизни стараго Стефана Баторія Королевско-Польскій сеймъ рѣшился прекратить вѣчныя ссоры свои съ Россіею, и надѣясь на слабость Θεодора, хотѣлъ заключить выгодный для Польши договоръ съ его боярами. Для

этого въ 1586 г. присланъ былъ опъ Сейма посолъ въ царскую думу съ предложеніемъ соединить Польшу съ Россією, съ тѣмъ однако жъ, чпобъ Краковъ считался наравнѣ съ Москвою, а Вильно съ Новымъ - городомъ, и чпобъ, въ случаѣ Ѳеодоровой смерти, Спешанъ признанъ былъ Государемъ всей Россіи. Когда же бояре и Царь дали опвѣтъ оприцапельный, посолъ спалъ шребовать для Польши Новагорода и Пскова и получилъ опказъ рѣшипельный, съ прибавленіемъ, чпо Государь не дастъ Польшѣ ни драницы съ кровли. Дѣло кончилось пока перемиріемъ на два мѣсяца, съ условіемъ съѣхаться съ обѣихъ споронъ посламъ для условія о томъ: а) какъ Царю жиннѣ въ любви брапской съ Спешаномъ, и б) какъ ихъ государствамъ бытъ подѣ единою державою въ случаѣ Ѳеодоровой или Спешановой кончины, или с) какими городами Липвъ и Россіи владѣтъ безспорно, буде они не захотѣтъ соединиться. Но въ концѣ 1586 года умеръ Баторій: Польша и Липва пришли въ сильное волненіе; все раздѣлилось при избраніи новаго короля: одни держались спороны Замойскаго, друга Баторіева, другіе Зборовскихъ, враговъ Баторія. И тушь-по въ умѣ Бориса начали развиваться планы обширные, исполинскіе. Въ слѣдствіе предложенія Русскихъ бояръ подчинивъ Польшу власти Русской, послы Липовскіе просили Царя опправивъ на сеймъ кого нибудь изъ знапныхъ сановниковъ. Посланнныя съ ними условія обнаруживаютъ великія шайны внѣшней полиппики Бориса Ѳеодоровича: ему хотѣлось слипъ Польшу съ

Россією единствомъ власни, брачными союзами Русскихъ съ Поляками, нераздѣльностью службы государственной, и общими выгодами, не измѣняя при томъ вольностей и правъ Польши и Литвы; далѣе — онъ надѣялся одолѣть Швецію, и возвращить опіяныя ею города у Россіи; заключить союзъ съ Нѣмецкимъ Императоромъ, Королемъ Испанскимъ и Шахомъ Персидскимъ, чѣмъ, при помощи ихъ, выгнать Турокъ изъ Европы, сдѣлать Крымъ мирнымъ съ Россією, освободить опять Турокъ Молдавію, Волошскую Землю, Боснію, Сербію, Венгрію, и присоединить ихъ къ Польшѣ... Великая мысль о соединеніи всей Славянщины едва ли не въ первый разъ въ это время такъ ярко блеснула въ политическихъ планахъ Россіи!... Разныя враждебныя общенпельсва: разность Вѣръ и религіозная нетерпимость Поляковъ, желаніе, чѣмъ Польша первенствовала передъ Россією въ соединеніи съ нею, и сильная паршія Замойскаго, искавнаго покровительсва у Швеціи, разрушили эти обширные планы, и дѣло кончилось продолженіемъ перемірїа еще на 45 лѣтъ (1587) съ новымъ Королемъ Польскимъ Сигисмундомъ, сыномъ Іоанна, Короля Шведскаго. Соединеніе такимъ образомъ двухъ враговъ Россіи, Польши и Швеціи, господившееся по смерти пресмартлаго Короля Іоанна, спрашило Бориса. Онъ уже замыслилъ союзъ съ Императоромъ Рудольфомъ, предлагая ему завоевать Польшу, свергнуть Короля, только чѣмъ посаженнаго на престолъ прошивъ желанія многихъ, опданъ.

Польскую корону брату Императора, Австрийскому, принцу Максимилиану, котораго одна партия сейма хотѣла было уже избрать въ короли, — и попомъ общими силами напасть на Турокъ, и уничтожить ихъ, обѣщая для того огромныя силы и помощь всѣхъ своихъ союзниковъ. Тогда Максимилианъ былъ уже въ плѣну у Замоискаго, и Рудольфъ, все еще сносясь съ Борисомъ, вымаливая между тѣмъ свободу брату, заключилъ тайный союзъ съ Сигисмундомъ. Этотъ поступокъ раздосадовалъ Бориса Феодоровича; онъ прибѣгнулъ къ другому способу, и направилъ на Липову новаго, еще дружескаго тогда съ Россіею, Крымскаго Хана Казы-Гирея, котораго, ища всюду добычи для поправленія только что доставшихся ему разоренныхъ улусовъ, выжегъ и опустошилъ въ Липовѣ и Галиціи многіе города и села (1689); а между тѣмъ самъ Борисъ въ то же время объявилъ походъ въ Швецію, разделяя такимъ образомъ силы двухъ союзныхъ королевствъ, и требуя отъ Швеціи отнятыхъ ею у Россіи земель: ибо срокъ заключеннаго прежде съ нею перемирія оканчивался къ 1590 году. Эта война была первою въ правительствованіе Бориса: онъ вывелъ 300,000 войска съ 300 орудіями; всѣ бояре, царевичи Сибирскіе и Киргизскіе, всѣ воеводы изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ, гдѣ они жили на покой, должны были явиться въ сборное мѣсто. Борисъ посадилъ на коня и слабого Феодора противъ его воли, а самъ, съ Княземъ Мстиславскимъ, не отходилъ отъ него; даже Царица Ирина поѣхала

вслѣдъ за Θεодоромъ въ Новгородъ, гдѣ Царь долженъ былъ урядить полки. Слѣдствіе этой войны было взятіе городовъ: Ямы, Копорья, Иванъ-города, съ запасами и огнестрѣльными орудіями. Послѣ этого Θεодоръ возвратился въ Москву, а Шведы просили рѣшить договоромъ судьбу Эстоніи; договаривались, а между тѣмъ тайно нападали на окрѣпленные у нихъ города. Съ другой стороны вспулилась Польша, считая взятіе Шведскихъ городовъ нарушеніемъ заключеннаго съ нею перемирія; договоры длились, и наконецъ рѣшено было продолжить перемиріе съ Литвою еще на 12 лѣтъ (1591) съ тѣмъ, чтобы Шведы на Русскихъ и Русскіе на Шведовъ не нападали въ теченіе года. Однако война съ Швеціею все тянулась до 1595 г., когда заключенъ былъ «вѣчный» миръ уже съ наслѣдникомъ Іоанна, Сигисмундомъ, присоединившимъ такимъ образомъ и Шведскую корону къ Польской. Самъ Сигисмундъ былъ въ это время въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, борясь со Шведами, которые старались мстить ему за снѣженіе ихъ религіозной свободы въ угодность Полякамъ. По этому миру Швеція удержала Эстонію, а Россія Корельскую Землю и области сосѣдственныя съ Землею Двинскою; оба государства обѣщали другъ другу взаимную помощь и свободную торговлю, и проч. — Въ намѣреніи же имѣть всегдашнюю опору противъ Швеціи на сѣверъ, Борисъ старался поддерживать и укрѣплять дружественныя связи съ Даніею.

Устроивая дѣла съ Европою, Борисъ не менѣе

бдишельное вниманіе обращалъ на южныхъ сосѣдей Россіи: Турцію, Крымъ, Грузію. Увлекался общемою Европейскою тогда мыслию объ изгнаніи изъ Европы Турокъ — враговъ Христова имени, онъ видѣлъ въ эпомъ предпріятіи еще частную пользу для Россіи: уничтоженіе Турковъ избавило бы Россію отъ сильнаго и давно спрашнаго для нея врага, данника Турціи, Крымскаго Хана, кошорый, опираясь на помощь Сулмана, опустошалъ южныя границы Русскія. Но сначала необходимостъ заставила его льстившъ Сулману и оказывать посредствомъ посольствъ всѣ знаки миролюбія, ибо Имеретинскій Царь Александръ — жершва деспотисма Турецкаго — ища покровительствва Россіи, вспунилъ тогда въ ея подданство (отъ чего въ титулѣ Θεодора прибавились имена: «Государь Иверскія Земли, Грузинскихъ Царей и Кабардинскія Земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей»), и эшо могло разрушитъ самымъ жестокимъ для Россіи образомъ миръ съ Турціею въ то время, когда Борисъ, не успѣвъ еще привлечь на свою сторону Европейскихъ государей, не могъ еще начать дѣйствоватьъ противъ Турокъ соединенными силами. А между тѣмъ, зная, что правительствво Турецкое не довѣряетъ искренности этихъ миролюбивыхъ сношеній, и при первомъ удобномъ случаѣ можетъ выпустить на Русскія земли шолпы дикихъ Крымцевъ, онъ хотѣлъ воспользоваться междоусобіями, происшедшими въ Крымской ордѣ по убіеніи Махметъ-Гирея Исламомъ-Гиреємъ, и далъ въ Россіи убѣжище сыновьямъ убишаго хана. Но какъ ни старался Борисъ поддерживанъ

въ Крыму паршію, прошивную Турецкому владычеству, эши поступки, равно какъ явная помощь, подаваемая Грузинскимъ владыцелемъ прошивъ Турціи, и дружественная связь съ Персією (Шахомъ Аббасомъ), враждебною Турціи, — все это заставило Сулпана дѣйствовать прошивъ Россіи открытъ черезъ Крымцевъ. Крымскій Ханъ Казы-Гирей, бравъ умершаго въ 1588 году Ислама, получившій и ханство и милосливую опъ Сулпана грамоту, и дѣйствовавшій, сначала, какъ сказано выше, въ пользу Русскаго правительсва прошивъ Липвы, сдѣлался теперь по разнымъ причинамъ недоволенъ Россією, кошорую, какъ и всѣ сосѣднія земли, считалъ своею добычею; заключилъ въ 1591 союзъ съ Швецією, бывшею тогда въ войнѣ съ Россією, и вспомошествоемый Сулпаномъ, вшоргся внезапно въ южныя Русскія степи. Борисъ, заключивъ успѣшно перемиріе съ Швецією (см. выше), принялъ самыя скорыя и дѣятельныя мѣры для защиты Москвы опъ Крымцевъ. Но Казы-Гирей быстро подвигался къ Москвѣ. Тогда Борисъ Теодоровичъ объявилъ Москву въ осадномъ состояніи, раздѣлилъ ее на части, и ошдалъ каждую подъ защиту одному изъ знатнѣйшихъ въ то время бояръ; всѣ монастыри, лежащіе въ южной оконечности Москвы, превратились въ крѣпости; предмѣстія Москвы укрѣпились деревянными стѣнами съ бойницами; все вооружалось. Самъ Теодоръ, по настоянію Бориса, выѣхалъ къ войску, бывшему верспахъ въ двухъ опъ города, и ободрялъ его. Но и пущъ, не смотря на опасностъ, грозившую Москвѣ, мѣстныицесиво не умолкало: при

самомъ приступѣ Хана, воеводы еще спорили о спартѣшинствѣ, и не шли къ мѣстамъ своимъ. Наконецъ явился Борисъ, въ полномъ dospѣхѣ, на боевомъ конѣ, подѣ древнимъ знаменемъ великокняжескимъ. Царь опдалъ ему всѣхъ дворянъ своихъ и пѣлохранишелей, дошолъ никогда съ нимъ неразлучавшихся, а самъ заключился въ уединенной оупѣ мѣста биввы палашкѣ, и молился. Хотя Борисъ такимъ образомъ замѣнялъ собою Царя, и всѣ бояре ѣхали за нимъ какъ за Государемъ, однако онъ уступилъ первенство Князю Θεодору Ивановичу Мспиславскому, самъ же занялъ впорое мѣсто въ большемъ полку. Всю ночь бодрствовалъ онъ наканунѣ биввы, пригошворяя къ ней войско и устроая полки. На другой день, 4-го Юля 1591 г., началась упорная бивва, — *первая* подѣ спѣнами Москвы (ибо до того времени Москва видала только приступы, а не побоища на своихъ равнинахъ), и длилась цѣлый день; долго побѣда не клонилась ни на шу, ни на другую спорону; наконецъ, на разсвѣтѣ другого дня, Ханъ бѣжалъ. Борисъ и Князь Мспиславскій преслѣдовали его, разбили окончашельно, взяли 1,000 плѣнныхъ, истребили множество Татаръ въ спешахъ, и выгнали ихъ изъ Русскихъ владѣній. Борисъ Θεодоровичъ, дѣяшельности и благоразумнымъ мѣрамъ кошораго должно приписавъ всю честь побѣды, (ибо его оспорожный и предусмопрительный умъ направлялъ мечъ Мспиславскаго и другихъ сподвижниковъ), получилъ оупѣ Царя, вмѣстѣ съ Княземъ Мспиславскимъ, Поршугальскіе золотые. По возвращеніи же Бориса въ Москву, Царь далъ ему съ своего плеча шубу, на-

зываемую *Русскою*, въ 1,000 р., съ золотыми пуговицами, ошдалъ съ себя же *цѣпь* драгоцѣнную; попомъ пожаловалъ золошой сосудъ, называвшійся *Мамаевскимъ* (попому чѣно ошпяшь у Мамаѣ въ Куликовскую бишву), *три города* Важской обласпи въ наслѣдспвенное владѣніе, и шипло *Слуги* — самое высшее званіе, о кошоромъ въ одномъ древнемъ акшѣ сказано: »шо имя чеснѣе бояръ, а даецца ошѣ Государя за многіе службы.« Въ шеченіе спа лѣнѣе Борисъ шолько чешверый получилъ это званіе. — Черезъ чешыре года послѣ эшой бишвы, Казы-Гирей ошпѣ задумывалъ было впорженіе въ южныя сшени Россіи: ибо Сулпанъ спыдилъ его недавнимъ бѣгспвомъ, и побуждалъ къ новому набѣгу. Заключивъ шогда (въ 1595 г., см. выше) »вѣчнѣй« миръ съ Швеціею, Правишелспво Русское вознамѣрилось защишнѣе ошѣ Крыма посольспвами къ Сулпану, и шребованіемъ, чшобъ онѣ запренилъ Хану дѣлашѣ набѣги. Но какѣ эши посольспва не имѣли почши ни какого успѣха, шо Борисъ рѣшилсѣ обороншѣе ошѣ Хана другимъ способомъ, кошорый удалсѣ совершенно: онѣ еще до шого времени возобновилъ древнѣй *Курскѣ*, основалъ новыѣ крѣпосши: *Лизны*, *Кромы*, *Воронежѣ*, а въ 1593 г. велѣлѣ спрошпѣ еще новыѣ на всѣхъ сакмахъ или пушяхъ *Ташарскихъ*, ошѣ *Донца* до *Оки*: *Бѣлгородѣ*, *Осколь*, *Валуйку*; шеперь всѣ они наполнились людьми рашными, спрѣльцами, казаками (все-го до 16,000 человекѣ), кошорые шакимъ образомъ держали безсмѣнную спражу въ сшенияхъ, прошянувшисѣ длинною обсервационною линіею по южной границѣ, и не спускали глазѣ со сшени; Крым-

цы не могли уже, какъ прежде, обходитьъ эпихъ швердынь, откуда льпомъ безпрестанно выѣзжали конные казацкіе опряды, и не умолкалъ громъ пушечный. — Въ то же время и съ такою же цѣлію Борисъ основалъ каменную крѣпость въ Смоленскѣ; строеніе ея окончилось уже въ 1600 году.

Намѣреніе изгнать Турокъ изъ Европы вводило Русское Правительство въ переговоры посредствомъ посольствъ съ Папою, Императоромъ, Персією. Отъ Папы Клименша VIII два раза (въ 1595 и 1597) пріѣзжалъ легатъ, который кроме того еще склонялъ Θεодора къ соединенію Церквей. Послѣдствія этого посольства неизвѣстны. Съ послами Персидскаго Шаха переговаривалъ и съ самимъ Шахомъ Аббасомъ переписывался одинъ Борисъ Θεодоровичъ. — Императоръ Рудольфъ, все еще добиваясь для брата своего, Максимиліана, Польской короны, и въ то же время желая побудить Θεодора къ скорѣйшему началу войны съ Турцією, присылалъ въ Москву знашнаго посла, Авраама Бургграфа Донавскаго (1597). Это великолѣпное посольство обнаружило безпечность и обманъ Рудольфа, который, по обычной нерѣшимельности своей, все еще не прислушалъ къ заключенію съ Россією торжественнаго союза противъ Турокъ (безъ чего Борисъ не хотѣлъ и начинать дѣла), а требовалъ только денежнаго вспоможенія. Борисъ, стоявшій у прона съ державою въ рукахъ во время аудіенціи послу, принималъ его попомъ у себя въ домъ, говорилъ ему, какъ монархъ, милосливныя слова, а дворникамъ его давалъ цѣловашъ свою руку.

Такъ дѣйствовалъ до 1598 года Борисъ Тео-
доровичъ — мудрый полипикъ, глубокій знапокъ
опношеній и силъ Россіи, оспорожный воишель и
всегда предусмошрипельный дипломашъ. Въ по же
время онъ неушомимо шрудился для внушренияго
ушройсшва царсшва Русскаго; и здѣсь увидимъ мы
пу же дѣяшельносшь, по же просвѣщенное пра-
вишельсшвованіе, выказывавшіяся въ мудрыхъ за-
конахъ и учрежденіяхъ; но здѣсь же обнаружаш-
ся и жестокія испытанія, на борьбу съ кошоры-
ми предназначило его Провидѣніе.

(Продолженіе впредь.)



III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ ПОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

РОССІЯ.

Высочайшимъ Приказомъ , 18-го Іюля , Членъ Государственнаго Совѣта , Генераль-Адъютантъ , Генераль отъ Кавалеріи Графъ Орловъ , уволенъ въ отпускъ за границу , на четыре мѣсяца .

— Высочайшимъ Приказомъ , 22-го Іюля , состоящій по Арміи Генераль-Маіоръ Ладыгинъ , назначенъ Военнымъ Губернаторомъ города Воронежа и Воронежскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ .

— Генеральнаго Штаба Полковникъ Скалонъ 1-й, Всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники, съ Высочайшимъ повелѣніемъ причислить его къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ .

— 9-го Іюля , скончался въ Варшавѣ , Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Алексій Алексѣевичъ Перовскій* , Членъ Россійской Академіи и другихъ ученыхъ сословій . Онъ ѣхалъ изъ Москвы въ чужіе края , на теплыя воды ; прибывъ въ Варшаву , занемогъ , и не смотря на всѣ пособія искусства , скончался чрезъ четыре дня , на 48-мъ году отъ рожденія . Въ Русской Литературѣ , онъ оставилъ по себѣ благодарное воспоминаніе прекрасными своими произведеніями: *Двойникъ* , или *Вечера въ Малоросіи* , *Монастырка* , и *Черная Курица* , дѣтская сказка , напечатанными подъ именемъ Антонія Погорѣльскаго . Сверхъ того , разныя небольшія его сочиненія и переводы изъ классическихкихъ авторовъ разсыяны по періодическимъ изданіямъ .

— 15-го Мая 1834 состоялось Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Гг. Министровъ , въ коемъ , ме-

жду прочимъ, постановлено: предоставить Новороссійскому и Бессарабскому Генераль-Губернатору, объявить Всемилостивѣйшее прощеніе тѣмъ изъ находящихся въ Турецкихъ владѣніяхъ Россійскихъ подданныхъ Некрасовцевъ и другихъ сословій людей, которые, кромѣ побѣга, ни какого другаго преступленія не сдѣлали, и распорядиться, чтобы при выпускѣ сихъ выходцевъ изъ карантина, они или обращаемы были на прежнія жительства, или присоединялись къ тѣмъ сословіямъ, которыя пожелаютъ ихъ принять. Сіе постановление, бывъ сообщено отъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, къ исполненію Г. Генераль-Губернатору, 17-го того же Мая, объявлено отъ него надлежащимъ порядкомъ, 14-го Іюня 1834. По поводу возникшихъ потомъ нѣкоторыхъ вопросовъ, къ исполненію сего Положенія относящихся, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ входилъ въ Комитетъ Гг. Министровъ, съ представленіемъ о разрѣшеніи оныхъ. Нынѣ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, состоявшемуся 16-го Іюня, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Всѣхъ возвращающихся изъ Турецкихъ владѣній Россійскихъ подданныхъ, согласно первоначально объявленному Высочайшему повелѣнію, обращать на прежнія мѣста жительства, или присоединять къ тѣмъ сословіямъ, которыя пожелаютъ ихъ принять. 2) На бѣжавшихъ, послѣ объявленія, въ 1834 году, на мѣстѣ ихъ жительства Всемилостивѣйшаго прощенія, силы онаго не распространять; но въ особыя разысканія о времени побѣга каждаго, какъ равно и о томъ, не сдѣлано ли возвратившимся изъ побѣга какого-либо другаго преступленія, не входить. 3) Съ тѣми, о коихъ нынѣ уже извѣстно, или въ послѣдствіи, по какому бы то ни было случаю откроется, что они, по времени побѣга или по учиненному кромѣ того преступленію, не имѣютъ права воспользоваться Всемилостивѣй-

шимъ прощеніемъ, поступать немедленно на основаніи существующихъ узаконеній.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, въ 6-й день Іюня, изъяснилъ Высочайшее Свое согласіе на предположеніе Святѣйшаго Синода, объ учрежденіи Православной Соборной церкви въ городъ Вильнѣ.

— По возникающимъ сомнѣніямъ о точномъ смыслѣ узаконеній, на коихъ основаны статьи 858, 867 и 883 Свода Законовъ Гражданскихъ (Т. X.) касательно продажи имѣнія, состоящаго подъ запрещеніемъ, подъ опекою или въ секвестрѣ, и послѣдствій таковой продажи, Государственный Совѣтъ, въ разрѣшеніе сихъ сомнѣній, Высочайше утвержденнымъ Мнѣніемъ своимъ, положилъ:

1) Свода Законовъ Гражданскихъ статью 883-ю изложить слѣдующимъ образомъ:

»Кто продастъ имѣніе, подвергнутое по какому либо случаю (кромя именно опредѣленнаго въ Продолженіи Свода Законовъ о предупрежденіи преступленій, ст. 357) опекѣ, описи или секвестру, тотъ подвергается уголовному суду за подлогъ; между тѣмъ проданное имѣніе возвращается въ прежнее положеніе; покупщику предоставляется искать заплаченныхъ имъ денегъ и убытковъ съ продавца; чего же не достанетъ, то взыскивается, въ случаѣ, если проданное имѣніе состояло подъ запрещеніемъ, съ членовъ того присутственнаго мѣста, которое допустило противузаконную продажу; секретарь же, надсмотрщикъ и писецъ, по мѣрѣ ихъ участія въ семъ упущеніи, предаются уголовному суду по законамъ. Но если запрещенія наложено не было, то взысканіе заплаченной за имѣніе суммы и убытковъ покупщика обращается, послѣ продавца, на виновныхъ въ семъ упущеніи.«

2) Сообразно сему, Свода Законовъ тома XIV о

предупрежденіи преступленій къ главѣ V (о предупрежденіи и пресѣченіи злоупотребленія помѣщичьей властью), прибавить вообще слѣдующую статью:

»На всякое владѣльческое имѣніе, подвергшееся опеку, секвестру или описи, налагается, въ письмѣ купчихъ, закладныхъ и всякаго рода сдѣлокъ, запрещеніе, кромѣ тѣхъ имѣній, которыя (по предъидущимъ статьямъ сей главы) подвергнутся опеку за жестокое обращеніе владѣльца съ крестьянами.«

3) Законъ, въ семъ новомъ еѣ изложеніи, считать въ дѣйствиіи съ того времени, когда внесенъ оный будетъ въ Продолженіе Свода, не присвоивъ ему обратной силы.

— Изъ Симферополя пишутъ, отъ 5-го Іюля: »Два иностранные натуралиста, Докторъ Казаретто, Генуэзскій ботаникъ, и Г. де-Вернелъ, членъ Французскаго Геологическаго Общества, прибыли въ нашъ городъ, посѣтивъ восточную часть Крыма, и отправляясь теперь на южный берегъ. Они съ особеннымъ любопытствомъ наблюдали изверженія грязей близъ Керчи и на Таманскомъ Полуостровѣ, равно какъ флору этихъ мѣстъ и другія природныя явленія. Мы съ удовольствіемъ видимъ, что нашъ край, осмотрѣнный уже многими учеными людьми, болѣе и болѣе привлекаетъ вниманіе естествоиспытателей, и, въ скоромъ времени, будетъ изслѣдованъ, въ разныхъ отношеніяхъ, съ такою же полнотою, какъ и земли, въ которыхъ давно уже укоренилась образованность.«

ФРАНЦІЯ.

Король получилъ отъ Королей Баварскаго и Шведскаго поздравительныя письма, по случаю избавленія отъ угрожавшей ему опасности. Его Величество 25-го Іюля, принималъ въ частной аудіенціи, Прусскаго Посланника, Барона фонъ Вертера, вручившаго Его Величеству поздравительное письмо своего Государя, по тому же случаю.

— Въ одной Парижской газетѣ напечатано: »На дняхъ разнесся слухъ, что Г. Тьеръ отправился къ Королю, послѣ конференціи съ Испанскимъ Посломъ, и представилъ Е. В. необходимость принять дѣятельное участіе въ Испанскихъ дѣлахъ; говорили также, что Король ему на это отвѣчалъ отрицательно, какъ всегда, когда ему предлагаютъ этотъ вопросъ. Мы можемъ сказать съ достовѣрностію, что Президентъ Совѣта, показывавшійся донинѣ расположеннымъ отправить въ Испанію армію, воспротивился этой мѣрѣ во вчерашней конференціи, и что, даже еще не испросивъ у Короля сей интервенціи, какъ необходимости, онъ отвѣчалъ Послу, по собственному мнѣнію и немедленно, что Франція на это не согласится, что она имѣетъ важныя причины противиться отправленію войскъ въ Испанію, и что уже сожалѣть и о данномъ ею дозволеніи составить отрядъ подъ начальствомъ Генерала Бернема. Министръ не изложилъ причинъ сего формальнаго отказа, но легко можно видѣть, что, съ одной стороны, духъ неподчиненности, распространившійся въ войскѣ Королевы, можетъ имѣть пагубное вліяніе на наши войска, а съ другой, неуверенность въ успѣхѣ новыхъ выборовъ и въ духѣ новыхъ Кортесовъ, не позволяетъ Министру принять сторону Королевы Изабеллы, и рѣшиться къ принятію мѣры, которая обяжетъ Францію поддерживать Мадритское Правительство, какимъ бы путемъ оно ни слѣдовало.«

— Въ Мониторѣ 26-го Іюля, напечатана офиціальная программа Іюльскихъ праздниковъ. Въ первый день будутъ совершены браки сыновей и дочерей Французовъ, участвовавшихъ въ Іюльской революціи, а во второй, отслужены панихиды по жертвамъ, падшимъ въ 1830 и 1835 годахъ. На третій день будутъ освящены новыя триумфальныя ворота; судя по программѣ, эта церемонія будетъ весьма проста. Хоры музыкантовъ всѣхъ полковъ будутъ разставлены вокругъ воротъ, и играть марши во

время ихъ открытія. Въ воспоминаніе освященія сего монумента, будетъ вычеканена медаль, съ надписью: »Во славу Французскихъ армій; начаты Наполеономъ, окончены Людовикомъ Филиппомъ.« Вечеромъ будутъ происходить обыкновенныя народныя увеселенія, за исключеніемъ безденежныхъ представленій въ театрахъ.

— 27-го Іюля были взяты подъ стражу въ предметѣ стіяхъ тридцать человекъ, и въ Куръ-Невѣ, небольшой деревнѣ близъ Сень-Дени, жандармы и полицейскіе агенты отыскиваютъ одного человека, коего отличительныя признаки имъ сообщены; тому, кто его схватитъ, обѣщано въ награжденіе 1,000 фр.: доказательство, сколь важна эта арестація. — 28-го цѣлый день продолжались допросы взятыхъ подъ стражу. Все, что происходитъ въ тюрьмѣ Conciergerie, сохраняется въ глубочайшей тайнѣ. Офицеръ 41-го линѣйнаго полка, Гокаръ, все еще содержится подъ особеннымъ присмотромъ; къ нему не допускаютъ ни кого. Говорятъ, что 29-го утромъ привезены въ Парижъ пять человекъ, взятыхъ подъ стражу въ провинціяхъ. Префектъ Полиціи отправился, немедленно по прибытіи ихъ, къ нимъ въ тюрьму. — 28-го разнесся слухъ, что Каваньякъ находится въ числѣ содержимыхъ въ Conciergerie: пріятели Каваньяка опровергаютъ сей слухъ, и утверждаютъ, что за нѣсколько дней предъ симъ, его мать отправилась къ нему въ Лондонъ. Что въ числѣ содержимыхъ подъ стражею находится извѣстный Распаль, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія.

— Въ Constitutionnel напечатано: »Можемъ поручиться въ достовѣренности слѣдующаго извѣстія, полученнаго сегодня по телеграфу, и которое будетъ обнародовано въ Мониторѣ только завтра: Самая блистательная побѣда, какую только одерживали въ Африкѣ: совершенное пораженіе Абдель-Кадера Генераломъ Бюжо. Абдель-Кадеръ раненъ, подъ нимъ убита лошадь; большое число

плынныхъ, часть коихъ отправлена во Францію на корабль *la Chimère*; 500 головъ Арабовъ, отрѣзанныхъ побѣдоносными Дуарами, и представленныхъ ими.»

— О началѣ Іюльскихъ празднествъ пишутъ: »Столица отнюдь не представляетъ сегодня (27-го Іюля) торжественнаго вида. Всѣ магазины открыты, и дѣла идутъ своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Только на площади передъ ратушею собралось нѣсколько любопытныхъ, чтобъ видѣть шествіе новобрачныхъ. Кавалеры Іюльскаго значка собрались сегодня, въ десять часовъ утра, на Карусельной Площади, чтобы быть представленными Королю, какъ то происходило донинѣ ежегодно. Въ двѣнадцать часовъ объявили имъ, что аудіенціи быть нельзя, и просили ихъ разойтись. Затѣмъ были отправлены нѣкоторые изъ нихъ къ дежурному адъютанту Короля, для узнавія о причинѣ сего рѣшенія, и для испрошенія позволенія отправить къ Королю, по крайней мѣрѣ, депутацію кавалеровъ. Но и это предложеніе было отринуто. Іюльскіе кавалеры отправились, вслѣдъ затѣмъ, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, и онъ приказалъ имъ сказать, вмѣсто отвѣта, что если они желаютъ чего нибудь испросить у Короля, то могутъ написать прошеніе, которое онъ самъ поднесетъ Е. В.»

— Въ продолженіе трехъ Іюльскихъ дней, въ столицѣ господствовало величайшее спокойствіе; 28-го числа отслужили въ церквѣ Инвалиднаго Дома паннихиду по жертвахъ покушенія 28-го Іюля 1835 г. Большое число людей, взятыхъ подѣ стражу на дняхъ, уже выпущены на свободу. Народнымъ увеселеніямъ, приготовленнымъ къ 29-му числу, не благопріятствовала погода, и дождь тушилъ всѣ иллюминаціи.

— При всѣхъ тревожныхъ слухахъ, ни какое происшествіе не занимало въ такой степени всеобщаго вниманія, какъ поединокъ Г-на Арманъ-Карреля, редактора

газеты *le National*, съ Г-мъ Эмилемъ де Жиранденъ, редакторомъ газеты *la Presse*, и смерть перваго, послѣдовавшая 25-го Июля. Поводомъ къ дуэли была полемика противъ газетъ, издаваемыхъ за низкія цѣны, именно по 40 фр. въ годъ. Сперва была напечатана въ *Vol Sans* колкая статья противъ Г-на Жирандена, продающаго свою газету *la Presse*, за эту цѣну. Вмѣсто отвѣта, Г. Жиранденъ подалъ на *Vol Sans* жалобу за оскорбленіе. Этимъ онъ навлекъ на себя порицанія въ газетахъ *le Temps* и *le National*. Г. Жиранденъ напечаталъ въ своей газетѣ, что въ статьѣ газеты *National* не находятъ той честности, которую обыкновенно приписываютъ Г-ну Каррелю. Г. Каррель не самъ написалъ эту статью, но потребовалъ удовлетворенія. Г. Жиранденъ согласился. 24-го Июля поутру въ шесть часовъ, произошелъ поединокъ въ Венсенскомъ мѣстѣ. Они были поставлены въ оборота шагахъ одинъ отъ другаго, и должны были сходиться, съ пистолетомъ въ рукѣ. Г. Каррель выстрѣлилъ и пошелъ далѣе, не будучи къ тому обязанъ правилами дуэли. Противникъ его также выстрѣлилъ. Оба были ранены, редакторъ газеты *la Presse* въ бѣдру: пуля вошла въ мясо и, по видимому, повредила кость. Г. Арманъ-Каррель былъ раненъ въ животъ, въ то самое мѣсто, въ которое былъ раненъ шнагою, за три года предъ симъ, Г-мъ Ру-Лабордомъ. Сначала надѣлись его спасти; его перенесли въ Сентъ-Мандѣ, къ одному изъ его пріятелей, Г-ну Нейра. Больному были оказываемы всѣ возможныя пособія четырьмя извѣстными врачами. Не было возможности вырѣзать пулю; потому что она проникла во внутренность живота. Состояніе его дѣлалось хуже и хуже, и 25-го, въ 5 часовъ, Каррель умеръ, въ жесточайшихъ страданіяхъ. Извѣстіе сіе произвело всеобщее сожалѣніе между всеми партіями. Г. Каррель былъ уважаемъ всеми по своему личному характеру, и занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ между политическими писателя-

ми, зотѣ придерживался страннаго и несбыточнаго мнѣнія. Достоинѣ сожалѣнія также и то, что человекъ съ дарованіемъ погибаетъ жертвою предразсудка: между нимъ и его противникомъ не было личной злобы. Когда Г. Карреля уносили съ мѣста поединка, онъ обратился въ раненому Г-ну Жирардену со словами: «Вы очень страдаете?» — «Дай Богъ, отвѣчалъ ему Г. Жирарденъ, чтобы ваша рана не была тяжелѣе моей.» Въ доказательство, какъ публика умѣла цѣнить талантъ Г-на Арманъ-Карреля, можно привести то, что онъ получалъ отъ редакціи газеты National 24,000 фр. годоваго содержанія, и, кромѣ того, еще особую, довольно значительную плату за каждую изъ своихъ статей, такъ, что его доходы, съ одной этой отрасли, простирались до 50,000 фр. ежегодно; онъ жилъ въ Парижѣ отнюдь не какъ столичный республиканецъ, но какъ богатый вельможа.

— Изъ Шомона пишутъ, что удаляемые изъ Швейцаріи политическіе выходцы разныхъ націй, мало по малу протѣкаютъ чрезъ этотъ городъ, въ сопровожденіи жандармовъ. Ихъ перевезутъ, на счетъ правительства, въ одинъ изъ северныхъ портовъ Франціи, а оттуда отправятъ въ Англію.

— Изъ Тулона пишутъ, отъ 17-го Іюля: «Назначеніе фрегата Галатеи нынѣ извѣстно: онъ долженъ находиться въ готовности выйти, по первому приказанію, на встрѣчу Австрійскому фрегату, Воину, для принятія трехъ сотъ политическихъ выходцевъ, изъявившихъ желаніе быть перевезенными, одни въ Шербуръ, другіе въ Африку, а третьи къ Испанскимъ берегамъ, для вступленія въ иностранный легіонъ.»

— Въ одномъ Парижскомъ журналѣ напечатано слѣдующее письмо изъ Александріи: «Французскій Генеральный Консулъ купилъ недавно великолѣпную древнюю бронзовую вазу. Это оригиналъ Варвикской мраморной вазы, найденной въ развалинахъ Тиволи, въ Римѣ, рабо-

ты Лизиппа, ваятеля Александра Великаго. Объ этой вазѣ упоминаетъ одинъ изъ древнихъ писателей, и полагаетъ, что она уже не существуетъ; она найдена, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, въ одномъ саду въ Каирѣ, и совершенно сохранена. Отнынѣ Варвикская ваза лишается всего своего достоинства. Г-ну Мимо уже предлагали за нее высокую цѣну, но онъ, какъ истинный знатокъ древностей, не отдастъ ее за миллионъ.»

— Въ письмѣ одного морскаго офицера, изъ Александрии, подтверждають извѣстіе, что Ибрагимъ-Паша имѣлъ намѣреніе употребить камни пирамидъ на гидравлическія постройки въ руслѣ Нила, но былъ удержанъ отъ исполненія этого намѣренія настояніями Французскаго Генеральнаго Консула Г. Мимо.

— Доходы съ Алжирскаго Регенства возрасли, съ 1831 года по 1835 отъ 900,000 фр. до 2,130,000, и доходы, въ первую четверть 1836 года, превышаютъ прошлогодніе въ 100,000 фр. Съ Іюля мѣсяца 1830 до Сентября 1834 года, круглымъ числомъ, туда приходило ежегодно по 1200 кораблей; съ тѣхъ поръ, число это возрасло до 2000. Торговые обороты простирались въ прошедшемъ году до 25 мил. фр.

— Въ *Journal de Paris* извѣщаютъ о смерти Генераль-Лейтенанта Карно, послѣдовавшей въ Отенѣ (Autun), 17-го Іюля; ему было отъ роду 81 годъ.

АНГЛІЯ.

— Въ Придворной Газетѣ напечатана депеша Англійскаго Посланника въ Персію, Г-на Эмиса, въ которой онъ сообщаетъ приказаніе Шаха Магомета о томъ, что торговля Британскихъ подданныхъ, въ отношеніи къ пошлинамъ, должна быть уравнена съ торговлею Россійскихъ подданныхъ. Въ слѣдствіе этого, Англійскіе negociants обязана нынѣ платить, при ввозѣ и вывозѣ товаровъ, только по пяти процентовъ.

— По составленіи донесенія объ измѣненіяхъ въ билль объ Ирландской Церкви, принятыхъ Верхнимъ Парламентомъ, сей билль будетъ препровожденъ, въ измѣненномъ видѣ, въ Нижнюю Палату. Въ министерскихъ газетахъ предвидать, что сія Палата не согласится на принятіе измѣненій, сдѣланныхъ Лордами, и что съ этимъ биллемъ сбудется то же, что случилось съ биллемъ объ измѣненіи городского управленія въ Ирландіи, т. е., онъ будетъ оставленъ нерѣшеннымъ. Однако же въ нихъ приглашаютъ членовъ Нижней Палаты, придерживающихся министерской партіи, не оставаться въ бездѣйствіи, но находиться въ Палатѣ 2-го и 4-го Августа, когда сей билль будетъ представленъ на ея разсмотрѣніе. Въ Соціетѣ полагаютъ, что Министры получаютъ большинство 35 или 40 голосовъ, и что они не откажутся отъ своихъ должностей, доколь будутъ имѣть въ свою пользу большинство въ Нижней Палатѣ.

— Адмиралу Кодрингтону поднесли сослуживцы его, въ Наваринской битвѣ, драгоценный серебряный сервизъ.

— На дняхъ началась продажа съ публичнаго торга вещей, оставшихся по смерти доктора О'Меры, Наполеонова врача на Островъ Св. Елены. Въ числѣ продаваемыхъ вещей находятся: сабля, которую Наполеонъ носилъ въ Египтѣ; миниатюрная картина, изображающая Наполеона, стоящаго передъ назначенною ему гробницею, на Островѣ Св. Елены; золотой приборъ ложекъ, ножей и вилокъ, украшенныхъ императорскимъ гербомъ, съ свѣдѣтельствомъ, написаннымъ Юсифомъ Бонапарте, что этотъ приборъ подаренъ доктору О'Мерѣ за вѣрность, которую оказалъ онъ Наполеону; многія ложки прибора употреблялись Наполеономъ; нѣсколько строкъ Наполеоновой руки, и локонъ его волосъ. Зубъ Наполеона былъ проданъ за 7 ф. ст. 17 шилл. 6 пенсовъ; за инструментъ, которымъ докторъ О'Мера выдернулъ зубъ, было заплачено 3 ф. ст. 3 шилл.

— Въ этой продажѣ также было возвращено собственноручное письмо Наполеона къ Принцу Евгению. О'Мера, уѣзжая съ Острова Св. Елены, вложилъ это письмо въ подошву башмака, и, такимъ образомъ, привезъ его благополучно. Содержаніе его слѣдующее: »Друзья и родственники! Прошу васъ оказывать вспоможеніе моему другу, доктору О'Меръ. Ему извѣстны мои мысли и мои чувства, и онъ можетъ вамъ описать мое положеніе. Подписано: Наполеонъ. Р. S. Прошу мою дорогую Луизу, дозволить ему поцѣловать ея ручку.« Письмо это, въ которомъ, сверхъ того, іероглифами написано было о выдачѣ денежной суммы Принцемъ Евгениемъ, продано за 11 гиней; локонъ волосъ, болѣе каштановыхъ нежели черныхъ, за 2 ф. ст. 10 шилл. Многіе Французскіе ветераны присутствовали при аукціонѣ, и можно было видѣть, что они никогда такъ не досадовали на недостатокъ въ деньгахъ. Каждую вещь, оставшуюся послѣ Наполеона, и предлагаемую въ продажу, они почитали драгоценною, и утверждали, что онъ продается за безцѣнокъ.

— Имя Адмирала Саторіуса внесено вновь въ списокъ Англійскихъ флотскихъ офицеровъ.

— Съ 11-го Января до 5-го Іюля нынѣшняго года выѣхало изъ Ливерпуля 24,065 переселенцевъ, именно 7518 въ первые три мѣсяца, и 16,547 въ три послѣдніе. Изъ сего числа отправились 3825 чел. въ Британскія колоніи Сѣверной Америки, 12,414 въ Соединенные Штаты, 18 на Мысъ Доброй Надежды, 129 въ Вестъ-Индію, 8 въ Бомбей и 42 въ Южную Америку. Въ 1835 году, число переселенцевъ простиралось до 16,542, въ 1834 до 20,846, въ 1833 до 45,386, всего, въ три года, 76,839. Съ 5-го Апрѣля до 5-го Іюля нынѣшняго года отправилось, какъ сказано выше, 16,547 чел.; въ тѣхъ же мѣсяцахъ прошедшаго года, отправилось только 8,293 чел.

— На пароходѣ Транзитѣ привезены извѣстія изъ Лиссабона, отъ 12-го Іюля: въ нихъ сказано, что Принцъ

Фердинандъ уже возвратился изъ своего путешествія , и былъ принятъ народомъ съ изъявленіемъ радости.

— На последнемъ пароходѣ , пришедшемъ изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль, прибылъ Іосифъ Бонапарте, съ семействомъ. Онъ ѣдетъ въ Амстердамъ.

— По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Нью-Йорка, Президентъ Джаксонъ утвердилъ билль о раздѣленіи между Штатами остаточныхъ суммъ въ казнѣ Союза. Такъ какъ остатокъ, къ 1-му Января 1837 года, будетъ простираться до 30 милліоновъ долларовъ , то въ газетахъ и напечатана роспись суммъ, причитающихся каждому отдѣльному Штату ; вмѣстѣ съ тѣмъ показано , сколько внесъ каждый Штатъ, такъ, что восемь Штатовъ отъ этого понесутъ убытки, а восемнадцать получаютъ прибыль. Нью-Йоркъ несъ въ казну болѣе всѣхъ, именно 4,958,680 долл., и получить обратно 4,285,722 доллара.

— Въ извѣстіяхъ изъ Чарлстона, отъ 15-го Іюля, уведомляютъ о прибытіи туда Гг. Грейсона и Колингсворта, (по видимому, Сѣверо-Американскихъ уроженцевъ), въ качествѣ посланниковъ Техаса при Соединенныхъ Штатахъ, для исходаатайствованія признанія независимости Техаса. Между воюющими арміями было заключено перемиріе , и Мексиканцы опять возвратились къ Ріо-Гранде. Сантана все еще находится въ плѣну въ Вала-ско.

ИСПАНІЯ.

Изъ Малаги уведомляютъ, отъ 7-го Іюля, что четверть всего города обращена въ пепель пожаромъ.

— Въ Gazette de France подтверждаютъ извѣстіе о прибытіи Епископа Леонскаго въ Испанію , и присовокупляютъ: »Донъ Карлосъ имѣетъ нынѣ при себѣ трехъ челоѣкъ , необходимыхъ для возвращенія ему престола: Виллареала , Эрро и Епископа Леонскаго. Въ скоромъ времени увидятъ , что произведетъ согласное дѣйствіе сихъ храбрыхъ, способныхъ и опытныхъ людей.«

— Въ *Journal de Paris*, 20-го Іюля, напечатаны слѣдующія извѣстія: »Карлистская дивизія, начальствуемая Генераломъ Гомесомъ, вступила, 6-го Іюля, въ Овiedo, и собрала съ жителей значительную контрибуцію. 7-го числа выступила она оттуда, и направилась далѣе въ Галицію. Генералы Эспартеро и Мансо прибыли въ Овiedo 8-го числа. Эспартеро вышелъ съ 12-ю баталіонамъ, для преслѣдованія Гомеса, принужденнаго переправляться черезъ нѣсколько рѣкъ, прежде нежели достигъ Галиціи, на границѣ коей ожидалъ его отрядъ войскъ, для сопротивленія вступленію въ сію провинцію. Португальская бригада, составляющая резервъ войска Королевы, вступила въ Леонъ 6-го числа.

— Въ *Constitutionnel* напечатано слѣдующее письмо изъ Мадрита, отъ 16-го Іюля: »Результатъ первыхъ выборовъ оправдываетъ, по большей части, мои предсказанія. Партія, склонная къ волненіямъ, пріобрѣла въ Мадритѣ и окрестностяхъ верхъ надъ другими. Правительство обратило всѣ силы на подкрѣпленіе выбора Г-на Мартинеса де ла Розы, и не употребляло ни какихъ стараній для подкрѣпленія выбора другихъ значительныхъ людей. Изъ кандидатовъ народной партіи, болѣе всѣхъ голосовъ получили Гр. Августинъ Аргеллесъ и Мендисабаль.

— Въ *Mémorial bordelais* подтверждаютъ, слѣдующимъ образомъ, извѣстіе о конференціи между Виллареалемъ и Кордовою: »Мы получили извѣстіе, важность коего очевидна, и въ справедливости коего мы можемъ поручиться. 16-го Іюля происходило совѣщаніе между Генераломъ Кордовою, Главнокомандующимъ войсками Изабеллы II, и Генераломъ Виллареалемъ, Главнокомандующимъ войскомъ Дона Карлоса. Сія конференція, происходившая на условленномъ мѣстѣ, продолжалась семь часовъ, съ одиннадцатаго утра до шести вечера. Вслѣдъ затѣмъ, Кордова возвратился на свою главную квартиру,

въ Витторію, и Виллареаль, въ Салинасъ. Глубочайшая тайна покрываетъ донныя предметъ этой конференціи. Можетъ быть, однако же, не трудно будетъ ее открыть.

— Въ Revista напечатано: «Съ чрезвычайнымъ курьеромъ получено въ Мадридъ, 18-го Іюля, изъ Парижа извѣстіе, что Испанскій Посолъ, Генераль Алава, получилъ изъясненіе согласія Французскаго Правительства на значительное умноженіе, Французскими солдатами, иностраннаго легіона, начальствуемаго Генераломъ Бернелемъ.»

— Изъ Байонны пишутъ, отъ 20-го Іюля: «Казнь Генерала Лопеса и шести его офицеровъ подтверждена несомнѣннымъ образомъ, хотя еще о томъ нѣтъ ни какихъ подробностей. Къ этому прибавляютъ, что Эспартеро нагналъ, 13-го числа, аріергардъ Генерала Гомеса, и отбилъ у него 300 пленныхъ. Карлисты, съ своей стороны, не опровергаютъ взятія въ плѣнъ Генерала Лопеса, но утверждаютъ, что Гомесъ вторгся въ Галицію съ сильнымъ отрядомъ. Изъ Сантандера, напротивъ того, пишутъ, что Гомесъ не достигъ Галиціи, но окруженъ Генераломъ Мансо, въ Астуріи, и не можетъ сдѣлать ни шагу. Экспедиціи въ Сорію и Нижнюю Арагонію не могли быть предупреждены и остановлены. — Сегодня полученъ здѣсь слѣдующій Карлистскій бюлетень: «Кабрера напалъ, при Монтроно, на коловну Христиносцовъ, состоящую изъ 1000 чел., положилъ на мѣстѣ большее число изъ нихъ, и взялъ въ плѣнъ 400 чел. Кидесъ преслѣдовалъ Генерала Монтеса, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ 1000 чел. Кабрера нынѣ имѣетъ подъ своимъ начальствомъ около 25,000 чел. войска» — Сей бюлетень, хотя преувеличенный, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ о дурномъ положеніи дѣлъ Королевы въ Нижней Арагоніи. Со вчерашняго дня носятъ здѣсь слухъ, что Генераль Бернель подалъ въ отставку, и что Кордова, въ скоромъ времени, также откажется отъ командованія; полагаютъ,

что на его место будетъ опредѣленъ Генераль Саарс-Фильдъ.»

— Въ Монитерѣ, 31-го Іюля, извѣщаютъ, по письмамъ изъ Короньи, отъ 24-го числа, что Гомесъ вступилъ, 18-го Іюля, въ Сантъ-Яго-де-Компостелья, главный городъ Галиціи, но, что будучи худо принятъ жителями, онъ увидѣлъ себя принужденнымъ на другой день выйти изъ города, и переправиться за Миньо. Въ *Journal des Debats*, 30-го Іюля, напечатано письмо изъ Байонны, отъ 25-го числа, въ которомъ сказано, что Лордъ Дж. Гей привезъ туда извѣстіе о вступленіи Гомеса, 19-го числа, въ Оренсе. Это извѣстіе подтверждено также и въ Мадритской Придворной Газетѣ.

— Съ другой стороны, Карлисты, вторгнувшіеся въ провинцію Сорію, идутъ въ Кастилію, Нижняя Арагонія такъ взволнована, что должно было отерочить путешествіе Инфанта Дона Франциска да Паула въ Валенсію. На этотъ городъ, Карлисты нападаютъ егонежно. Въ *Quotidienne* и въ *Cazette de France* извѣщаютъ о новой побѣдѣ, одержанной Виллареалемъ, о пораженіи Генерала Бернеля, и объ отправленіи Генерала Кордовы въ Кастилію, съ 6,000 чел., покинувшего Витторію, откуда онъ также вывезъ свои магазины и администрацію.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Гамбургъ 30-го Іюля, изъ Любека, куда Его Высочество прибылъ изъ С. Петербурга на пароходѣ Геркулесъ. Его Высочество отправится оттуда въ Киссингенъ. Туда же прибылъ Е. К. В. Наслѣдный Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, изъ Лудвигслуста.

— 28-го Іюля скончался во Франкфуртѣ на Майнѣ, Натанъ Ротшильдъ, завѣдывавшій извѣстнымъ банкирскимъ домоу въ Лондонѣ. Онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ для

присутствія при бракосочетаніи своего сына съ одною изъ его племянницъ, но занемогъ вскорѣ по прибытіи. Ему было отъ роду 59 лѣтъ. Онъ былъ третій братъ въ семействѣ Ротшильдовъ, пріобрѣвшихъ, своимъ финансовымъ талантомъ, столь блистательное мѣсто въ исторіи своего времени. Теперь остались его братья, Баронъ Ансельмъ Ротшильдъ во Франкфуртѣ, Соломонъ въ Вѣнѣ, Карлъ въ Неаполѣ, и Яковъ въ Парижѣ.

— Изъ Аѳинъ пишутъ отъ 18-го Іюня: »Внутреннее состояніе здѣшней страны удовлетворительно: только изъ Мессеніи получаютъ извѣстія о разбояхъ, для прекращенія коихъ отправленъ туда Маіоръ Федеръ, съ отрядомъ Майнотовъ. На Турецкой границѣ возстановлены спокойствіе и безопасность; но изгнанные изъ Греціи разбойники, продолжаютъ свои грабежи въ предѣлахъ Турціи, и наносятъ большой вредъ Турецкимъ жителямъ.«

— Изъ Веракруса пишутъ, отъ 29-го Мая, что Сантана бѣжалъ изъ плѣна, и снова находится при Мексиканской арміи. Мексиканскіе Штаты находились еще въ волненіи; торговые обороты еще не возобновлялись.

— Изъ Нюрнберга пишутъ, относительно чугунной дороги между симъ городомъ и Фюртомъ, что по ней проѣхали, въ продолженіе второй четверти года, 111,124 ч. и что доходы съ нея простираются до 14,975 гульденовъ 27 крейцеровъ; акціонеры вѣроятно получаютъ на будущій годъ дивидендъ отъ 16 до 18 процентовъ. Единственная употребляемая здѣсь паровая карета, до сихъ поръ не требовала ни какихъ починокъ, кромѣ передѣлки одного изъ насосовъ, коимъ накачивается вода, и трубки, показывающей высоту воды въ котлѣ; они лопнули прошедшею зимою отъ чрезмѣрнаго холода. Со времени употребленія кареты (249 дней), она не ходила только одинъ день. Всѣ экипажи, кромѣ образцовыхъ, сдѣланы въ Нюрнбергѣ; прокаты, кованные въ Германіи, очень

прочны, и донынѣ должно было перемѣнить ихъ только въ одномъ мѣстѣ. Всѣ инженеры, прѣзжающіе изъ Англіи и Франціи, удивляются сохраненію шинъ въ параллельномъ направленіи, не смотря на скорую ѣзду, зимою 24-хъ футовъ въ секунду, а лѣтомъ 34-хъ. До сихъ поръ не выпалъ ни одинъ винтъ, изъ прикрѣпляющихъ шины къ подушкамъ.

IV.

М О Д Ы.

Les écharpes en mousseline sont toujours très à la mode pour les toilettes même négligées. On comprend qu'on a toute liberté de les garnir en dentelle, en broderie, etc. Comme gout très simple, nous citerons des écharpes en mousseline, garnies de mousseline découpée en dents de loup; d'autres entourées d'une garniture de mousseline, au bord de laquelle un ruban est passé dans l'ourlet; on en voit aussi doublées en taffetas, en gaze rose ou bleue.

— Le seul luxe que l'on remarque aux toilettes d'été se trouve dans la beauté des dentelles formant mantilles. Deux garnitures en tulle ou organdi uni avec un ourlet dans lequel est pressé un ruban rose ou blanc, et qui viennent s'étager très gracieusement sur la manche courte, garnie au bas d'une double manchette du même genre, vont très bien avec une robe de organdi unie, garnie de deux volans, également ornés d'un ruban passé dans l'ourlet et dans le bouillon de mousseline qui forme la tête des volans. Un noeud de ruban placé de chaque coté des tempes, et dont les bouts descendent assez bas sur les joues, et une natte tournée en chou der-

rière la tête, composent la plupart des coiffures dans lesquelles on ne voit pas de fleurs. Une petite chaînette d'or, ou une très fine tresse de la couleur des cheveux au milieu de laquelle est placé une pierre ou une grosse perle fine, est le seul bijou qu'admettent les coiffures d'été.

Кисейные эшарпы все еще въ большой модѣ даже для простыхъ нарядовъ. Разумѣется, что ихъ можно украшать, по своей волѣ кружевами, вышивками и пр. Въ примѣръ простыхъ эшарповъ, мы назовемъ кисейные, обшитые кисеєю, вырезанною зубьями; другіе, окруженные кисейною оборкою, въ рубецъ которой продѣта лента, нѣкоторые подбиваются также тафтою, газомъ розовымъ или голубымъ.

— Единственная роскошь, замѣтная въ лѣтнихъ нарядахъ, состоитъ въ красотѣ кружевъ, образующихъ мантیلی на корсажахъ. Двѣ оборки изъ тюля или гладкаго органди, съ продѣтою въ рубецъ розовою или бѣлою лентою, красиво расположенныя на короткомъ рукавѣ, обшитомъ внизу такою же двойною оборкою, очень хорошо на платьѣ изъ гладкаго органди, убранномъ двумя воланами, которые также украшены лентою, продѣтою въ рубецъ и въ кисейную буфу, прошитую надъ воланами. Два бантика, приколотые къ каждой сторонѣ висковъ съ концами довольно низко висящими на щекѣ, и кругло положенная коса на затылкѣ, составляютъ большую часть нынѣшнихъ причесокъ въ которыхъ не видно цвѣтовъ. Небольшая золотая цѣпочка, или самый тоненькій плетешокъ цвѣта волосъ съ драгоценнымъ камнемъ или большою жемчужиною посерединѣ, составляетъ единственное украшеніе, позволительное съ лѣтними прическами.

(Изъ Petit Courier des Dames и Journal des Dames et des Modes,

25-го Іюля.)